

ХРАМ ВО ИМЯ
СВЯТОГО
БЛАГОВЕРНОГО
КНЯЗЯ МИХАИЛА
ЧЕРНИГОВСКОГО,
ЧТО НА ТОНКОМ
МЫСУ,
В ГЕЛЕНДЖИКЕ

ОЛЬГА КОВАЛИК

Александр Александрович
Полубескин
10.

ХРАМ ВЪ ИМЯ
СВЯТОГО
БЛАГОВЕРНОГО
КНЯЗЯ МИХАИЛА
ЧЕРНИГОВСКОГО,
ЧТО НА ТОНКОМ
МЫСУ,
В ГЕЛЕНДЖИКЕ

КНИГА ИЗДАНА
ПРИ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОМ УЧАСТИИ
ООО "АЛМАКС-СТРОЙ".
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ АГЕЕВ

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Пролог	6
Поэтика шедевра	9
Геленджик	17
Возведение храма в Солнцедаре	23
Академик Владимир Покровский	39
Лермонтовская тема	69
Возрождение	75
Сноски	81
Перечень имен	85

С Л О В О Н А С Т О Я Т Е Л Я

Из всех скитов и подворий Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, а их насчитывается более двадцати, только храм во имя святого благоверного князя Михаила Черниговского находится на юге России - в Геленджике, и является своего рода молитвенным форпостом великой Обители на Северном Кавказе.

Тонкий мыс, на котором расположено Подворье, славен богатой историей. В VI веке до Рождества Христова это место облюбовали греческие колонисты. В раннехристианскую эпоху красивейшую бухту осваивали и римляне, и кочевники гунны, и германские племена готы. В VI столетии на этом побережье закрепилась Византия. В средние века сюда пришли геноуэзцы, в конце XV века уступившие место Османской империи. По Андрианопольскому мирному договору, завершившему русско-турецкую войну 1828-1829 годов, Геленджик как часть восточного побережья Черного моря вошел в состав Российской империи. С тех пор поселение разрасталось, преображалось и в 1907 году получило статус курортного места, где вот уже более ста лет успешно лечатся люди всех возрастов.

На благодатную особенность Тонкого мыса обратил внимание Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. В 2013 году Его Святейшество постановил при северокавказском Лаврском Подворье учредить бесплатный отдых для слепоглохих сирот-инвалидов из специализированного Сергиево-Посадского детского дома-интерната, при котором действует храм в честь Явления Божией Матери преподобному Сергию Радонежскому.

Клир и община геленджикской церкви с воодушевлением несут ответственное послушание, возложенное на них Предстоятелем Русской Православной Церкви.

Хочу отметить, что храм во имя святого Михаила Черниговского, возведенный по проекту академика В. А. Покровского исключительно на деньги дачников «Благоустроительного общества Солнцедар», сразу стал визитной карточкой Северокавказского Черноморского побережья и символом надсущной людской жажды Божьего покровительства.

Князь-Михайловский храм впервые упоминается в официальных документах в 1908 году, то есть 110 лет назад. Строительство началось по благословию епископа Сухумского Димитрия (Сперовского) - «пастыря доброго, милостивого, добродушного», а завершилось при прославленном во святых владыке Андрее (Ухтомском), освятившем храм на Тонком мысу 6 октября 1913 года.

Октябрьский переворот 1917 года прервал духовно-лiturгическое служение в храме. Долголетнее запустение исказило внешний вид выдающегося памятника русского зодчества. Однако врата ада не могут одолеть Церковь, созданную Господом Иисусом Христом (Мф. 16: 18). Пасхальное богослужение, совершенное 27 апреля 1997 года настоятелем Гефсиманского Черниговского скита архимандритом Феофилактом (Моисеевым), ныне епископ Дмитриевский, возродило геленджикскую святыню.

Книга писателя Ольги Григорьевны Ковалик впервые рассказывает об истории храма во имя благоверного князя Михаила Черниговского. Надеюсь, это издание дополнит представление уважаемых читателей о подворьях Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

Иерей Иоанн Тарасов

Храм во имя святого Михаила Черниговского. Южный фасад. Фото. 1920 г.

П Р О Д О Г

6

Пространственное и сакральное бытование геленджикской во имя святого Михаила Черниговского церкви, с одной стороны, вызывает драгоценные для отечественной культуры и истории ассоциации; с другой - до сих пор является недостаточно оцененным.

Даже само возникновение этого небольшого храма, сработанного в архитектурных канонах Русского Севера под южным солнцем в субтропическом сухом климате, кажется загадочным. Его спроектировал в 1910 году великий зодчий Владимир Александрович Покровский с удивительной смелостью и завораживающей изящностью. Через три года таинством освящения сочеталась эта церковь с животворящим и созидательным сонмом православных святых.

Искусствоведы относят ее здание к неорусскому стилю. Исследователи считают, что храмов, возведенных в подобной формообразующей эстетике, можно по пальцам пересчитать, причем, сгруппированы они в центральной и северо-западных областях России и на Украине. В южных российских пределах храмы, решенные в неорусской стилистике, вообще единичны. Известный историк архитектуры В. А. Слезкин отмечает:

«В Ростовской области есть хорошо сохранившаяся Успенская церковь в хуторе Недвиговском (1914 г., архитектор Г. Н. Васильев), "маргинальная" (архитектурно) старообрядческая церковь

7

в Ростове-на-Дону (архитектор В. Н. Покровский - харьковский однофамилец нашего героя), и все. В 1909-1915 гг. строилась любопытная церковь в станице Староджерелиевской (архитектор В. С. Турицев), но она рухнула сразу после постройки. Еще была Успенская кладбищенская церковь в Армавире, но она снесена. И одна неорусская церковь обнаружилась в Армении. Больше храмов в неорусском стиле к югу от Дона мне не известно»¹.

Вот почему геленджикская церковь считается уникальной и драгоценной. К тому же она является «детисцем» одного из отцов-основателей данного направления в зодчестве, которое, по суждению архитектурной науки, базируется «на интерпретации древнерусских форм в соответствии с эстетическими принципами эпохи модерна». Что ж, отдадим должное ученым, примем к сведению их формулировку и пойдём дальше - своим путем.

Заботой тайною хранима...

Михаил Лермонтов

ПӨЭТИКА ШЕДЕВРА

9

Для того чтобы проникнуть в самую суть геленджикского шедевра академика Покровского, надо отойти от принципов искусства и встать на узкую тропу творческого познания чудесной красоты и привлекательной скромности памятника, воочию явившего северный русский стиль в инокультурном пространстве Северного Кавказа.

Михайловская церковь уместно и уютно разместилась почти у побережья Геленджикской бухты Черного моря, окруженной отрогами Маркотхского хребта Большого Кавказа. Вернее, той ее части, которая имеет картографическое название Тонкий мыс. Но нам милее другое - неофициальное - наименование: мыс Доброй Веры, ибо в нем словно предвосхищался Богом положенный здесь храм, осенивший собою окрестности дачного поселка Солнцедар. Само слово «Геленджик», в переводе с адыгейского и тюркского, имеет близкое христианскому сердцу значение: маленькое пастбище, белая невеста.

Вообще, смелое «переложение» северной - печорской, псковской, новгородской - архитектурной поэтики на южные ландшафтные реалии свидетельствует о независимой и оригинальной мысли В. А. Покровского. Его интерпретация традиционного православного зодчества Руси являет черты самовластия гения, увлекающего за собой век. Поэтому не пойдем на поводу

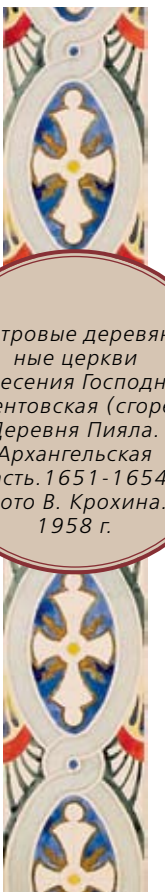
*Шатровая деревянная
церковь Успения
Богородицы на Суландском
погосте. Архангельская
область. 1667 г.
Не сохранилась.
Фото. Середина XX в.*

у искусствоведческой терминологии, не станем препарировать живое течение искусства, оставим также в покое и пресловутый неорусский стиль. Только при осмыслении отечественной сакральной культуры как единого потока приходит понимание, что мастер собственным суждением и вдохновением сочинил проект храма в Геленджике, согласуя его доминирующий строгий и оригинальный образ с боговдохновенным даром поэтических «кавказских пленников» Пушкина и Лермонтова трансформировать молитвы и библейские эпизоды в непревзойденные стихотворные формы.

Собственно, Михайловская церковь в Солнцедаре создана Покровским в духе поэтического заимствования, и если ее абрис подсмотрен у древних русских зодчих, то духовный строй подслушан у великих русских поэтов, умевших богословскую тему чеканить несколькими словами абсолютной точности. Действительно, созерцая геленджикский храм, можно, вслед за Лермонтовым, на земле постигнуть счастье и в небесах увидеть Бога². Покровский не атакует пространствен-

*Шатровые деревянные церкви
Вознесения Господня и
Климентовская (сгорела).
Деревня Пияла.
Архангельская
область. 1651 - 1654 гг.
Фото В. Крохина.
1958 г.*

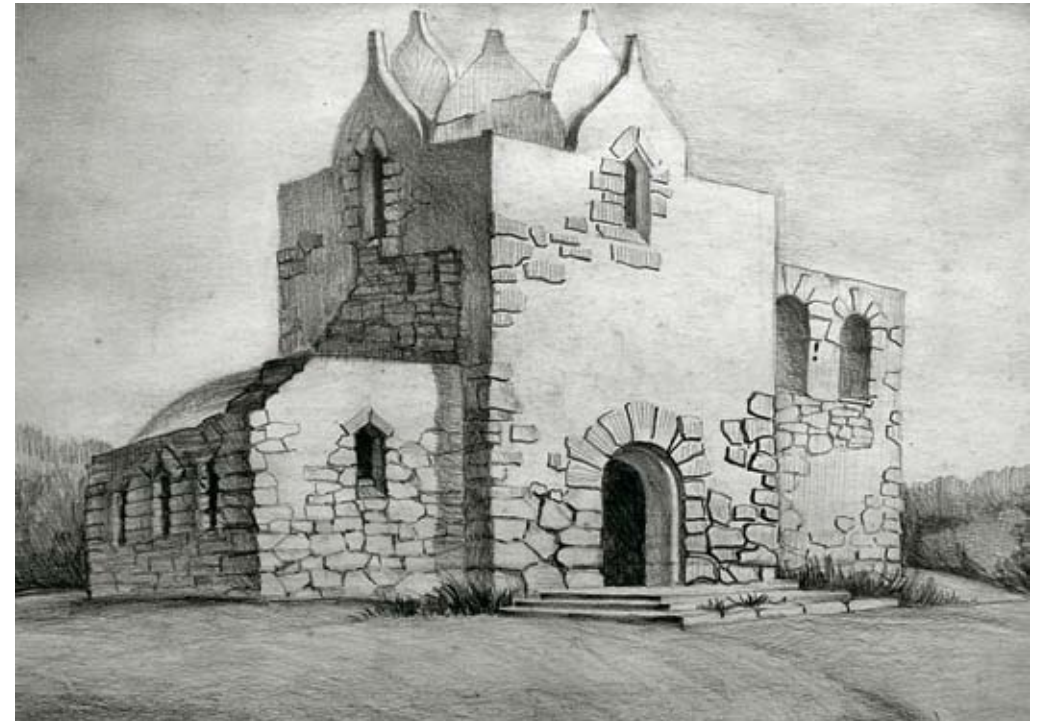
ную среду, а, покровительствуя, милует ее. Поэтому вознеслось его здание вольготно, будто рифмуя своим силуэтом кавказско-черноморское пространство и напоминая о мнившей Пушкина «заоблачной келье», где можно скрыться «в соседство Бога»³.

Получается, что академик В. А. Покровский - тематический архитектор. Созданные им произведения сразу обретали статус памятников культуры даже не потому, что были наделены выдающимися профессиональными качествами: они всегда несли сжатый, словно пружина, код прошлого и вдохновенный посыл в будущее. Никакой бессмысленной красоты, только непосредственная гармония грациозных форм, демонстрирующая «роскошную образованность» зодчего. В результате ретроспективные черты архитектурной фактуры он определенно возвел в превосходную степень актуального звучания. Отсюда произрос неповторимый стиль Покровского, у которого нет ни предшественников, ни последователей. В период перелома, на лезвии смены столетий, когда приближавшийся страшный русский бунт уже давал о себе знать и в культуре, и в социальной жизни, творчество Владимира Александровича устремилось к абсолюту, к горнему источнику незабываемых культурных ценностей. Он припал к древнерусскому зодчеству, пропустил его через горнило современности и таким образом засвидетельствовал дух эпохи.

Архитектурная суть церквей, возведенных Покровским, безусловно подчиненная объективным требованиям храмостроительства, все же являет субъективный, даже исповедальный

Храм во имя
святого Михаила
Черниговского.
Западный фасад
и колокольня.
Фото. 1920-е гг.

подход автора к решению профессиональных сверхзадач, без которого нельзя покорить творческие вершины. Его геленджикская церковь словно впитала в себя природную среду Кавказа, но при этом и вышла за ее пределы своим пронзительным коренным абрисом, поражающим одновременно и горделивостью, и откровенно детской незащищенностью.

Когда храм во имя святого Михаила Черниговского разрушался в середине XX столетия, то его квазиархаические килевидные кокошники были похожи на опадающие лепестки непорочной лилии, а все здание напоминало грустный увядающий цветок.

Сейчас замысел В. А. Покровского искажен неграмотной реконструкцией, проведенной в 1990-х годах. В нагромождении красных кирпичей нет даже намека на шедевр архитектора. Впрочем, святой благоверный князь Михаил Черниговский очевидно предстательствует возрождению своего Дома, возведенного 105 лет назад в Геленджике, на Тонком Мысу, он же - мыс Доброй Веры, в поселке Солнцедар.

М. М. Осичева.
Руины храма
во имя святого Михаила
Черниговского. 1983 г.
Геленджикский историко-
краеведческий музей.
Слева: Вид на храм
со стороны
алтарной апсиды.
Фото. 1920 г.

В. С. Смирнов.
Князь Михаил
Черниговский перед
ставкой Батыя.
1883 г.
Государственная
Третьяковская
галерея

Немая степь синее, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимаю,
А море Черное шумит не умолкая.

Михаил Лермонтов

ГЕЛЕНДЖИК

17

Коль скоро Господь сподобил быть ангелом-хранителем мыса Доброй Веры святого Михаила Черниговского, посмотрим пристальнее на историю опекаемого благоверным князем места.

В период VII-IV века до Рождества Христова на побережье Геленджикской бухты уже уверенно освоились греческие колонисты, которыми, видимо, являлись уроженцы ионийского города Милеты. Построенный ими торговый порт Торик тому свидетель.

В 1972 году рядом с церковью на Тонком Мысу было найдено приблизительно сорок курганов XIII-XV веков⁴. Они и есть почин всего будущего Геленджика, который обязан своим появлением на картах Средневековья событиям, изрядно романтизированным беллетристами последующих эпох. Мы, не желая вступать в рыцарские турниры с маститыми романистами, уложимся в несколько предложений.

Итогом Четвертого Крестового похода 1202-1204 годов стало взятие крестоносцами Константинополя и основание Латинского (Романского) государства. В 1261 году никейский император Михаил VIII, основатель династии Палеологов, видя свою миссию в изгнании латинян из Константинополя, заключил торговый договор с Наияснейшей Генуэзской республикой и, получив, таким образом, сильного союзника на море, смог, благодаря находчивости опытного военачальника цезаря Алексия Стратигопула, вернуть

Византию под греческую корону. После того, как император Михаил VIII Палеолог триумфально проследовал в Константинополь через Золотые ворота в предшестве чудотворной Богородичной иконы «Одигитрия», он, в благодарность за содействие победе над Латинским царством и руководствуясь договором 1261 года, предоставил генуэзцам привилегию хозяйничать в Черном и Азовском морях. На генуэзских картах XIV-XV веков бухта, ныне именуемая Геленджикская, называлась *Mauro Laco* (Черное озеро).

С 1453 года, когда Великое Османское государство покорило Константинополь и султан включил в свой титул горделивое дополнение «император ромеев», права генуэзцев были заметно ущемлены. В 1475 году их колонии и вовсе были захвачены Портой и ее вассалом Крымским ханством. Так началась турецкая экспансия на Кавказе, и с этого времени за поселением на берегу бухты Черное озеро закрепилось название Геленджик.

Благодаря Адрианопольскому мирному договору, заключенному в сентябре 1829 года после окончательного поражения османов в русско-турецкой войне 1828-1829 годов, Российская империя приобретала львиную долю восточного Черноморского побережья. Государь Николай Павлович, заботясь об упрочении своего державного присутствия от устья реки Кубань до пристани Святого Николая, расположенной севернее Батуми, приказал начать там военную колонизацию. Исполнить высочайшую волю выпало на долю генерал-майора Е. А. Берхмана. Под его командованием 27 июля 1831 года четырехтысячный десантный отряд основал стратегически важное Геленджикское укрепление, ставшее одним из опорных пунктов для русских войск и базой для отряда кораблей Черноморского флота на Северном Кавказе.

С 1834 года все военные постройки вдоль восточного берега Черного моря вошли в Черноморскую береговую линию. В 1834-1837 годах непосредственно к крепости Геленджик были направлены четыре военные экспедиции, возглавляемые ближайшим сподвижником генерала А. П. Ермолова, начальником Кавказской области генерал-лейтенантом А. А. Вельяминовым. Полная виктория его действий позволила создать Геленджикскую кордонную линию, куда вошли еще Ольгинское, Абинское и Николаевское

укрепления. 20 сентября 1837 года цепь этих чрезвычайно важных фортификационных объектов осматривал император Николай I в сопровождении цесаревича Александра Николаевича, шефа жандармов графа А. Х. Бенкендорфа и других свитских лиц.

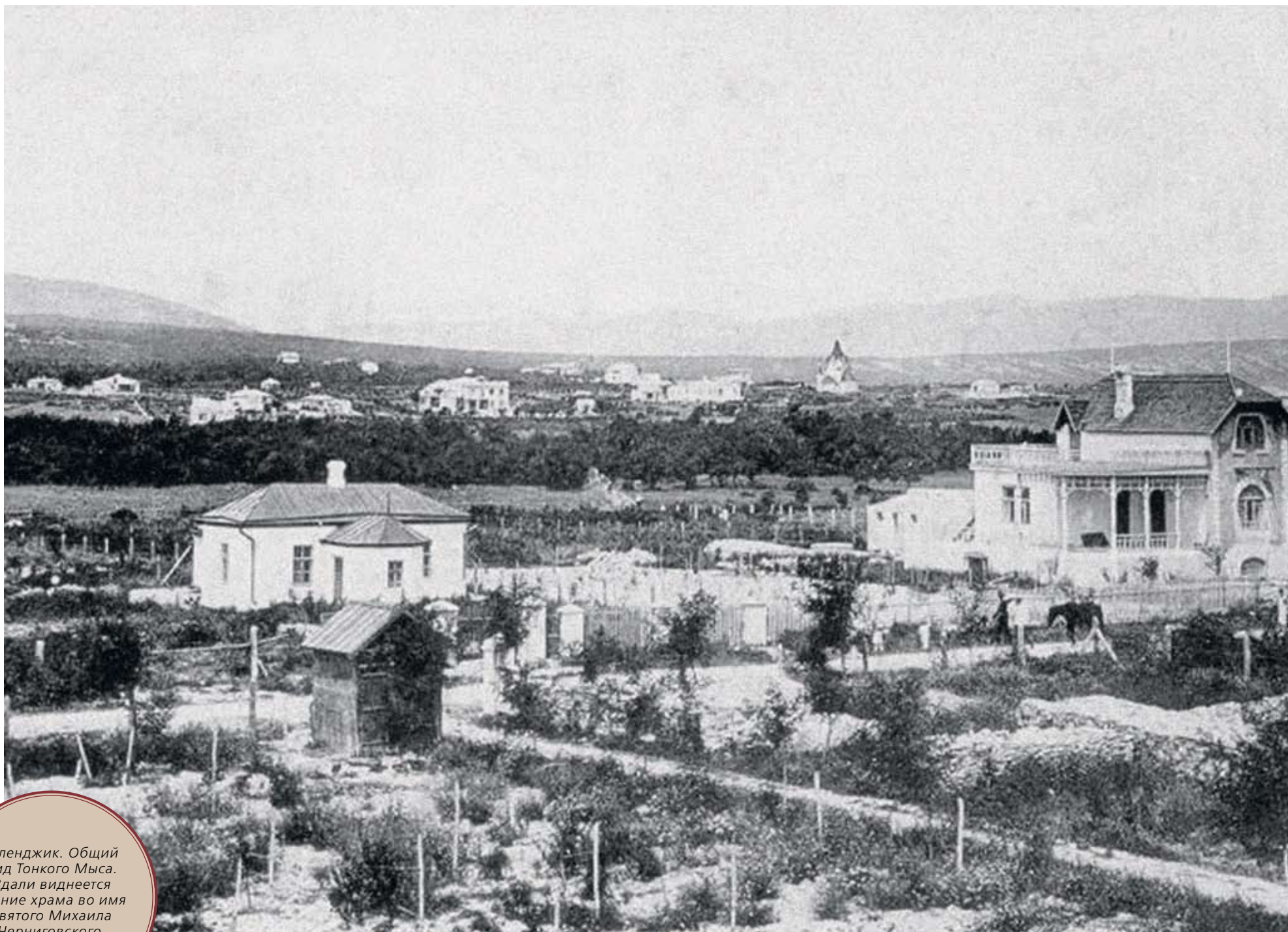
Крепость Геленджик не смогла пережить Крымскую войну. Гарнизон оставил ее в марте 1854 года после взрыва. Но ненадолго. Русские войска вернулись в разрушенное укрепление в 1857 году. Через семь лет этот военный объект уже так оброс бытом, что получил статус казачьей станицы. До 1870 года она входила в состав Шапсугского берегового батальона, а потом оказалась переквалифицированной в селение с подчинением гражданскому ведомству.

В течение двадцати лет Геленджик существовал как бы по инерции. Все изменилось в период с 1891 по 1894 год, когда через село проложили шоссе Новороссийск - Сухуми. Бурное развитие уже в 1915 году возвело его в статус города.

Из-за того, что толпы отдыхающих потянулись в российские субтропики, в 1900-1902 годах была сформирована «интеллигентная колония», получившая название «Общество содействия благоустройству курорта Геленджик». Тогда же на Тонком Мысу образовался дачный поселок Солнцедар. В 1907 году и он обзавелся собственным «энергичным» благоустроительным обществом под председательством камергера Его Императорского Величества М. М. фон Рейнке. Рачительно распорядившись поступлениями от дорожного сбора, руководство этого райского уголка сумело проложить туда шоссейную дорогу, построить набережную с приморским бульваром и добротной бетонной пристанью, разбить общественный парк.

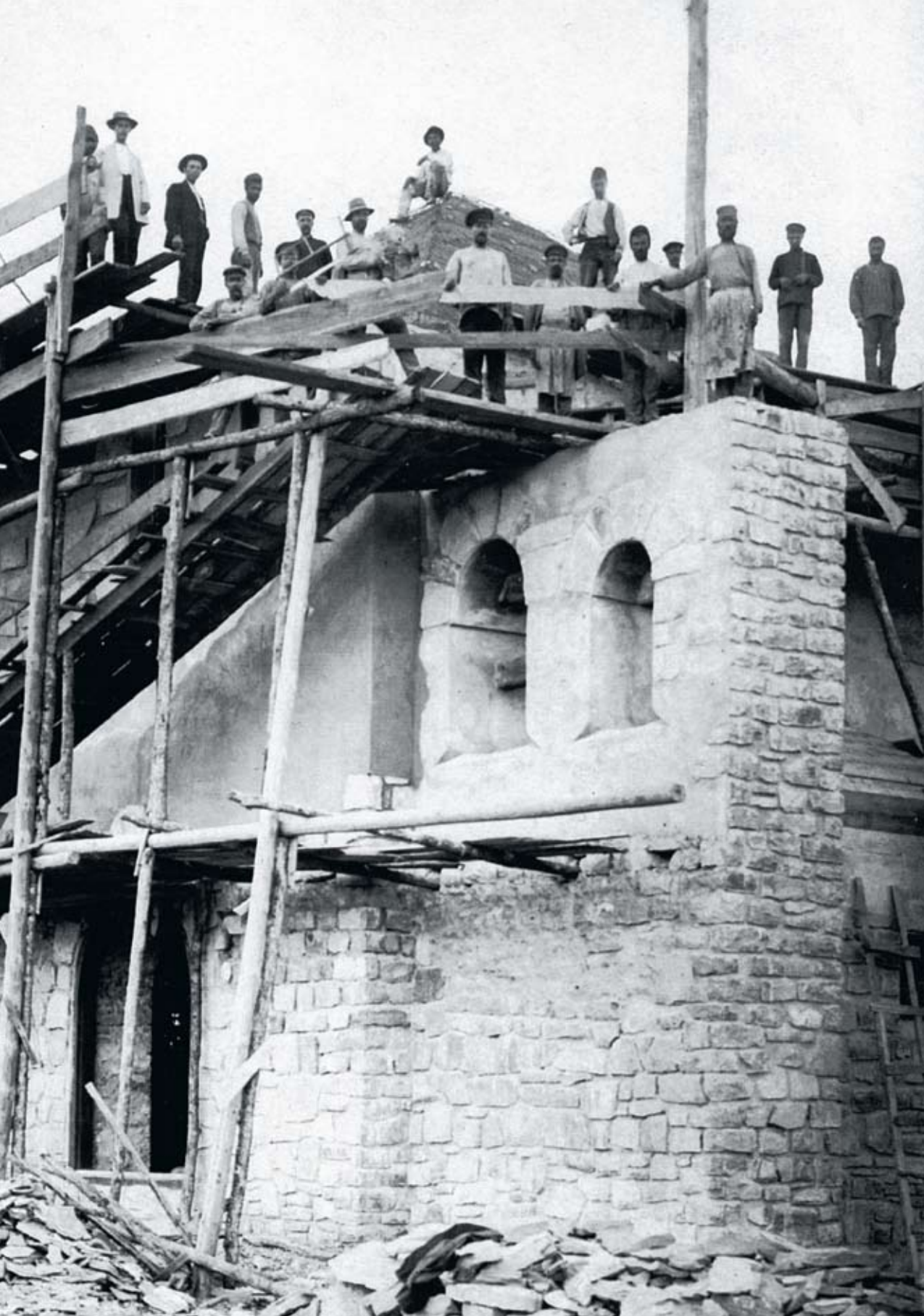
К моменту возведения церкви во имя святого Михаила Черниговского солнцедарские дачи процветали. «Интересная будущность предстоит “Тонкому Мысу”, - писал в 1912 году основоположник экскурсионной деятельности в России Г. Г. Москвич. - Развитие его, как дачного местечка, идет быстрыми шагами, и неизвестно еще, что вперед будет посадом - селение ли Геленджик, или его северо-западное продолжение - Тонкий Мыс. По крайней мере, есть данные, наводящие на мысль, что “Мыс” опередит вскоре село»⁵.

Геленджик. Общий вид Тонкого Мыса. Вдали виднеется здание храма во имя святого Михаила Черниговского. Фото. Вторая половина 1910-х гг.

И вот часовня на дороге...

Михаил Лермонтов

ВОЗВЕДЕНИЕ ХРАМА В СОЛНЦЕДАРЕ

23

Первое упоминание о церкви во имя святого Михаила Черниговского находится в докладе Лесного департамента Главного управления землеустройства и земледелия Министерства государственных имуществ Российской империи, который был составлен 28 июля 1908 года в ответ на «ходатайство разных лиц о предоставлении им культурных участков на Геленджикском мысу Черноморской губернии». Дело в том, что, когда происходило дробление большого казенного участка № 35 на девять новых мелких, один из них под № 93, площадью 1240 квадратных сажень (5642 м²), отвели «для устройства церкви». Товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием Б. Е. Иваницкий оставил на докладе резолюцию: «Исполнить. Б. Ив. 29/VII»⁶.

Инициатором возведения церкви выступил все тот же Михаил Михайлович фон Рейнке. Старший чиновник Собственной Его Императорского Величества канцелярии хоть и был англиканского вероисповедания, но, вероятно, своим небесным покровителем считал благоверного князя Михаила Черниговского.

В 1909 году на собственной геленджикской даче фон Рейнке открыл первый в этом месте естественноисторический музей. После революции он эмигрировал в Бельгию, где совместно с

*Возведение храма
во имя святого
Михаила Черниговского.
В центре на лесах
архитектор
С. А. Каллистратов.
Фото. Осень 1911 г.*

несколькими единомышленниками выступил инициатором сооружения в Брюсселе ставропигиального храма во имя святого Иова Многострадального - в память царя-мученика Николая II, царской семьи и всех в смуте убиенных (в юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей). Осенью 1929 года, согласно определению Архиерейского Синода РПЦЗ, Михаил Михайлович был назначен членом Комитета по возведению этого храма-памятника.

Место, специально отведенное казною под строительство храма во имя Михаила Черниговского, не могло долго оставаться пустым. Однако лишь в 1910 году умозрительный период истории церкви на Тонком Мысу сменился дельным. И все благодаря некоему жертвователю, пожелавшему остаться неизвестным. Это «частное лицо», осуществлявшее платежи через действительного статского советника А. Л. Векшина, сдвинуло с мертвой точки заветную идею сооружения Геленджикской архитектурной святыни.

30 июля 1910 года Векшин писал епископу Сухумскому Димитрию (Сперовскому, † 1923)⁷: «По поручению одного из моих знакомых при сем представляю переводом на Ваше имя одну тысячу рублей, на сооружение нового храма в местечке Солнцедаре... При этом имею честь заявить, что кроме этой тысячи рублей, я надеюсь изыскать и представить Вам на ту же постройку еще от 4 до 8 тысяч рублей...»⁸.

9 августа 1910 года А. Векшин отправил преосвященному владыке еще одну тысячу рублей. 4 сентября «заступающий» председателя комитета Общества дачевладельцев Солнцедара Черноморской губернии В. В. Фриш сообщил епископу Димитрию, что Алексей Львович вновь внес «для постройки церкви» две тысячи рублей. «... причем в сентябре, октябре и декабре месяцах сего года им будет переведено для той же цели еще три тысячи рублей», - гарантировал дачный активист⁹.

Надо сказать, что Векшин - персонаж интереснейший даже по тем биографическим крохам, которые нам удалось собрать. Алексей Львович умело вел не только свои дела, но и снискал репутацию добросовестного душеприказчика ряда известных

В. А. Покровский.
Эскиз хоругви
с изображением святых
апостолов Петра
и Павла. 1906 г.
Музей архитектуры
имени А. В. Щусева.
Р 1-10346/26

Освящение
строительства храма
во имя святого
Михаила
Черниговского.
Фото. Июнь 1911 г.

жертвователей-капиталистов. Так, с 1909 по 1912 год он, исполняя последнюю волю миллионеров И. И. и А. И. Щеголевых, получил от них по завещанию всего около 120 тысяч рублей, назначенных на нужды Сиропитательного дома имени Т. И. Щеголевой в Красноярске.

Впрочем, владея золотыми приисками в Сибири, альтруист Векшин и собственным коштом мог осчастливить не один благотворительный проект, но любил жертвовать вскладчину. А находить партнеров-доброхотов он ох как умел. Недаром кто-то обронил о нем меткое словечко «склонитель». В самом деле: на его счету несколько возведенных Домов Божиих.

Имея летнюю дачу в Эстонии, Алексей Львович поспособствовал упрочению духовной деятельности эстонского православного прихода в Петербурге и внес свою лепту в строительство для него у Могилевского моста большой двухэтажной церкви во имя священномученика Исидора Юрьевского.

Совместно с помещиками Юрием Владимировичем и Александрой Платоновной Трубниковыми, купцом Дмитрием Васильевичем Пошехоновым и «местными прихожанами» Векшин финансировал в 1902 году воздвижение деревянного Никольского храма в селе Березовая Грива Алексеевского района Казанского уезда. Причем, он же взял на себя подрядные работы.

Алексей Львович был не только известным храмоздателем. Ответственный труд в должности казначея Детского приюта Его Высочества принца П. Г. Ольденбургского принес Векшину еще одно назначение: с 1904 года он нес почетное послушание ктитора домово́й церкви святой равноапостольной княгини Ольги в Лужском отделении приюта - реальном училище под Санкт-Петербургом¹⁰.

Даже этих сведений достаточно, чтобы предположить в Алексее Львовиче того самого анонимного благотворителя Солнцедарской церкви. Если общая сметная стоимость ее строительства составляла 15992 рубля, то только с июля по декабрь 1910 года неизвестный благотворитель «через Векшина» внес 7000 рублей.

Кстати, из письма члена правления общества дачевладельцев Н. И. Воробьева «штатному священнику селения Геленджик» отцу Иоанну Судницыну от 1 июня 1911 года следует, что «для заведования постройкой церкви-часовни избран, согласно желанию жертвователя, комитет, состоящий из лиц исключительно православного вероисповедания, с особым председателем во главе. Кроме этих лиц в составе комитета приглашен участвовать председатель общества дачевладельцев статский советник¹¹ М. М. Рейнке, англиканского вероисповедания, а когда его нет, то заместитель его статский советник Фриш - протестантского вероисповедания. Тот и другой в церковно-строительном комитете будут пользоваться лишь правом совещательного голоса»¹².

Несколько слов надо сказать об отце Иоанне Никаноровиче Судницыне. Родился он 26 сентября 1871 года в селе Скнятино Калужинского уезда Тверской губернии в семье священника. За время своего служения в Геленджике с 16 февраля 1904 по 23 декабря 1913 год ему удалось основать Вознесенско-Серафимовское приходское братство для оказания безвозмездной помощи «бедным местного населения», а также организовать в своем приходе миссионерские курсы и ремесленную женскую школу. Отец Иоанн являлся благочинным одного из двух округов Черноморской губернии. «За усердное служение церкви Божией» и «за услуги церковно-школьному делу» он удостоился набедренника,

бархатно-фиолетовой скуфьи, камлавки и наперсного золотого креста. Протоиерей Иоанн Судницын был одним из последних настоятелей московской церкви во имя святого первомученика Стефана Архидиакона, на Швивой горке, снесенной в 1932 году. Скончался в 1940 году.

В состав комитета по постройке церкви в Солнцедаре вошли:

Председатель - Николай Иванович Воробьев, глава местного Общества ревнителей естественноисторического музея. Его заместитель - Александр Федорович Гороцев. Казначей - княгиня Ольга Николаевна Волчкова. Рядовыми членами комитета являлись Алексей Алексеевич Матвеев, Татьяна Дмитриевна Успенская, барон Евгений Александрович Рауш

В. А. Покровский.
Эскиз хоругви
с изображением святого
князя Александра
Невского. 1906 г.
Музей архитектуры
имени А. В. Щусева.
Р 1-10346/32

фон Траубенберг¹³, Иван Харитонович Бойко¹⁴, духовник Самарской духовной семинарии отец Александр Волков, протоиерей Иоанн Судницын и архитектор Семен Акимович Каллистратов. Последний осуществлял надзор при возведении Михайловской церкви¹⁵.

Согласно сведениям, полученным из Новороссийского исторического музея-заповедника, С. А. Каллистратов был сыном священника, высшее архитектурно-техническое образование получил в Лозаннском университете, с 1906 по 1911 год служил в должности городского архитектора Новороссийска.

Свою деятельность комитет начал с просьбы, направленной епископу Сухумскому Димитрию, «разрешить и благословить строительство в поселке, на Тонком мысу, православной церкви».

Ответ из Сухумской Епархиальной канцелярии цитировал резолюцию его преосвященства от 23 июня 1911 года: «Постройка церкви в дачной местности на Геленджикском мысе (она же Солнцедар) во имя святого благоверного князя Михаила Черниговского на отведенном Министерством участке и по утвержденному надлежаще плану разрешается и благословляется»¹⁶.

Выбор этого участка также одобрил обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер. Вообще же синодальная позиция по вопросу строительства храма на Тонком мысу заслуживает дополнительного комментария.

Дело в том, что обер-прокурор не обладал полномочиями закреплять за духовным ведомством, в нашем случае - Сухумским¹⁷, участок казенной земли и разрешать на нем строительство церкви. В его компетенцию входило только юридическое разъяснение епископу вопроса, связанного с «участком № 93 в урочище Геленджикский Мыс», предназначенным для храмо-строительства. По российским законам, одна только резолюция главноуправляющего землеустройством и земледелием не давала возможности Сухумской епархии на полноценное владение этой землей.

Согласно высочайше утвержденному 12 февраля 1896 года мнению Государственного совета «об основаниях отвода частным лицам казенных свободных земель в окрестностях Новороссий-

ска», включая Геленджик, Главное управление землеустройства и земледелия не могло выделить церкви участок на Тонком Мысу на основаниях, разрешенных частным лицам. Данное ведомство имело полномочия передавать в аренду частным лицам участки земли не свыше 10 десятин на пять лет. По истечении указанного срока и при условии, что четвертая часть участка засажена фруктовыми и иными ценными растениями, арендатор мог выкупить участок у казны в полную частную собственность за двадцатикратную годовую сумму арендной платы с оформлением купчей крепости.

Конечно, гипотетически для будущего храмового здания могли допустить какие-либо исключения из правила, но это нашло бы отражение в законодательных актах, принятых исключительно в соответствии с высочайшей волей, утвержденной посредством Святейшего Синода, поскольку никакое приобретение и отчуждение недвижимого имущества церквами и монастырями не происходило без высочайшей санкции, испрашиваемой через Синод. Но там дело Михайловской церкви не рассматривалось вплоть до 1917 года.

Видимо, процедура отвода участка под храм в Солнцедаре не имела юридического завершения. Поэтому фактически эта земля так и оставалась в казенной собственности, а Лесной департамент всего лишь позволил построить на нем церковное здание, которое находилось в статусе домового храма, учрежденного на ведомственных участках Министерства государственных имуществ Российской империи. Во всяком случае, следов самостоятельного прихода при новой церкви на Тонком мысу в делах Святейшего Синода не обнаружено.

Святой благоверный
князь Михаил
Черниговский.
Икона. 1688 г.

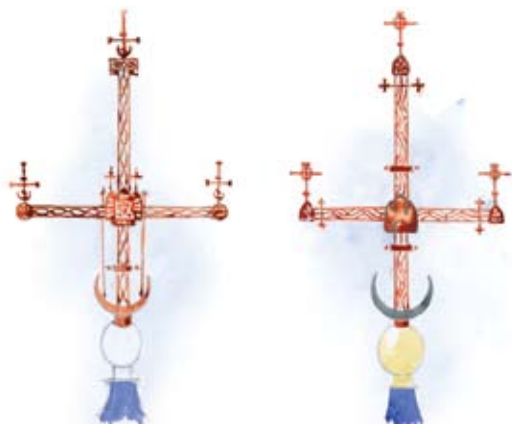
4 июня 1911 года Сухумский преосвященный Димитрий получил телеграмму от обер-прокурора Владимира Карловича Саблера, в которой тот советовал начать закладку церкви в Солнцедаре, не дожидаясь урегулирования всех юридических формальностей, поскольку согласие главноуправляющего уже гарантировало отсутствие возражений со стороны прочих инстанций. Вот почему владыка 23 июня 1911 года в своей резолюции, благословляющей строительство храма во имя святого благоверного князя Михаила Черниговского, акцентировал то, что она будет строиться «на отведенном Министерством участке», и не обмолвился о высочайшем соизволении, а также разрешении со стороны Святейшего Синода и Совета министров¹⁸.

Так как не сохранилось никаких упоминаний о дате закладки Солнцедарской церкви, мы попытаемся определить ее логическим путем.

К 1 июня 1911 года уже был полностью готов проект храма, и об этом информирует отца Иоанна Судницына письмо Н. И. Воробьева: «На основании отношения Вашего преподобия, представляется при сем план, предполагаемый к постройке церкви-часовни, составленный придворным архитектором, академиком Покровским», которому «за план и смету» было выплачено 400 рублей¹⁹. 4 июня обер-прокурор Святейшего Синода дал зеленый свет строительству, 23 июня его благословил правящий архиерей Сухумской епархии. В номере местной газеты «Черноморское побережье» за 14 сентября 1911 года говорится, что «новая и первая христианская церковь» в самой населенной части предместья Геленджика Тонкий мыс «уже почти готова»²⁰. Сеем предположить, что ее торжественно заложили на Морском проспекте в последних числах июня 1911 года.

Вообще, этот храм был построен, как говорится, в злчном месте - «напротив Маркова кабака, как прозвали дачу братьев Марковых, из которых один член Государственной Думы, знаменитый Марков 2-й, крайний правый». Подробности находим в газете «Черноморское побережье»:

«В этой даче с утра до поздней ночи идет продажа дешевого петио, распивочно и на вынос, а по праздникам, по понедельни-

36

кам и субботам, когда наши рабочие не работают, а пьянствуют, в Марковом кабаке стон стоит от песен и трехэтажной ругани, с поминованием родителей.

Спаивание рабочих здесь идет вовсю, и со всех дач, где есть сторожа или производятся постройки, к Маркову кабаку так сказать протоптаны тропинки. Самое безобразное пьянство и пьяный разгул сделали дачу Марковых даже опасной для прохожих. Было несколько случаев избиения и кровопролитных драк в этом кабаке и около него.

Нередко поздним вечером, идя мимо Маркова кабака, наталкиваешься на тяжелую картину: перед воротами кабака стоят, дожидаясь несколько баб. Это - жены пьяниц, гуляющих в заведении, носящем имя лидера правых.

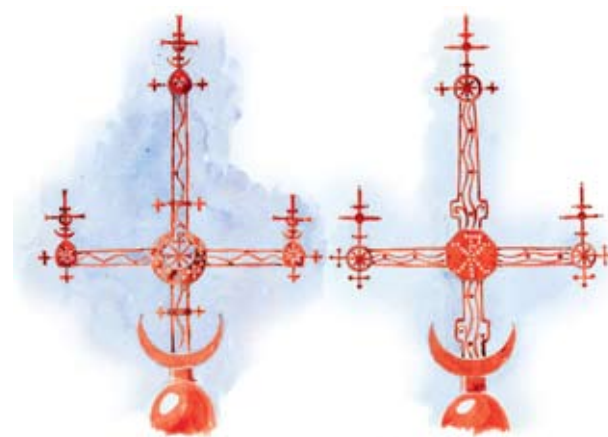
- Вы бы пошли к ним туда, да вытащили их, - сказал я как-то им, проходя.

- Да, поди-ка подойди теперь к ним, жива не останешься!... - тихонько и робко отозвались бабы. Некоторые из них были с ребятами на руках»²¹.

К слову сказать, после возведения храма Марков кабак был закрыт.

Храмовое здание, построенное вчерне в 1911 году, удалось завершить со всей внутренней отделкой только к осени 1913 года, о чем свидетельствует акт, составленный 23 сентября М. М. фон Рейнке, благочинным Иоанном Судницыным, инженером Пешеном и прорабом С. Сырокомским:

«Мы, нижеподписавшиеся, производили осмотр храма в Солнцедаре, на Тонком Геленджикском мысу, сооруженного под

37

наблюдением архитектора Каллистратова, и по осмотру нашли, что храм, судя по наружному виду, построен с соблюдением всех правил строительной техники и по нашему мнению может быть открыт для совершения в нем богослужения».

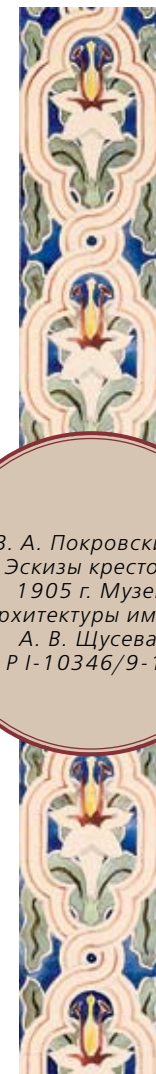
Заключение черноморского губернского инженера А. Чемесова оказалось венцом всему делу: «С технической стороны не встречается препятствий к открытию храма для богослужения»²².

22 сентября 1913 года, накануне «сдачи-приемки объекта», Общество дачевладельцев на Тонком мысу отправило прошение Сухумскому епископу Андрею (Ухтомскому, † 1937)²³: «Имеем честь обратиться к Вашему Преосвященству с покорнейшей просьбой пожаловать в Солнцедар для освящения 6 октября сего года храма, сооруженного во имя святого благоверного князя Михаила Черниговского».

28 сентября владыка наложил резолюцию: «С радостью принимаю приглашение. Постараюсь приехать на это торжество церковное. Епископ Андрей»²⁴.

Итог строительной истории Солнцедарского храма был поистине промыслительным. Его освящение пришлось на 6 октября, когда празднуется Зачатие Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Таинство совершил архиерей, в миру именованный князем Александром Алексеевичем Ухтомским, - прямой потомок Рюрика, как и святой благоверный князь Михаил II Всеволодович. С той только разницей, что епископ Андрей числился в XXX Рюриковом колене (Белозерская ветвь), а князь Михаил представлял XI колена (отрасль великого княжества Черниговского).

В. А. Покровский.
Эскизы крестов.
1905 г. Музей
архитектуры имени
А. В. Щусева.
Р 1-10346/9-10

Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.

Михаил Лермонтов

Покровский Владимир Александрович

АКАДЕМИК ВЛАДИМИР ПӨКРӨВСКИЙ

39

И так, дачники Солнцедара заказали проект своей церкви действительному члену Императорской Академии художеств Владимиру Александровичу Покровскому.

Уже тогда архитектору, не достигшему сорока лет, удалось познать всю полноту признания. Заключительная часть его «Curriculum vitae»²⁵, составленной 29 декабря 1908 года, изобилует почетными обязанностями и заслугами:

«В настоящее время Покровский состоит членом Правления Общества архитекторов-художников, членом Императорского Общества архитекторов, членом Общества взаимопомощи русских художников и членом Allied Artist Association Limited в Лондоне, также членом Комитета Историческо-Архитектурной выставки, состоявшего под августейшим покровительством великого князя Владимира Александровича, членом редакционной комиссии по изданию Ежегодника Общества архитекторов-художников, членом Комиссии изучения памятников Старого Петербурга, членом Комитета Музея Старого Петербурга и членом Комиссии по изучению церковной росписи, а также в профессорском составе Петербургских Высших женских политехнических курсов, где, преподавая архитектурное проектирование, с осени 1907 года избран деканом архитектурного факультета, а в настоящее время по постановлению Совета курсов временно исполняет должность директора»²⁶.

В. А. Покровский.
Фото. 1892 г.
Российский
государственный
исторический архив,
ф. 7890, оп. 11,
д. 146, л. 1

40

*Петропавловская
церковь
на Пороховых
заводах близ
Шлиссельбурга.
Фото. 1907 г.*

И всего этого удостоился человек, о котором еще 16 лет назад, в 1892 году, при выпуске из Московского реального училища, директор только и смог сказать:

«Покровский Владимир обучался с 1885 года, малоспособный и больной юноша, вел себя прекрасно, но не всегда добросовестно относился к делу, в особенности в младших классах; дурных наклонностей не имеет, училищной дисциплине подчинялся хорошо. Сын чиновника, в средствах к жизни не нуждался»²⁷.

Данная «секретная» аттестация была направлена в Высшее художественное училище Императорской Академии художеств, куда «заявил желание поступить» юноша Покровский. Каким образом в посредственном даровании пробудился могучий талант - неведомо. Впрочем, все можно объяснить Духом, Который дышит, где хочет.

Послушный воле небес, начинающий зодчий отказался от соблазнительной и почетной пенсионерской поездки за границу и мудро предпочел полезный труд бок о бок со своим учителем и крестным отцом на архитектурном поприще академиком Л. Н. Бенуа. В статусе его помощника Владимир Александрович летом 1898 года отправился в Варшаву, где кипела работа по возведению собора во имя святого Александра Невского. Позднее, в 1904-1905 годах, он совместно с Леонтием Николаевичем занимался реставрацией Царскосельского Софийского собора лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка - памятника конца царствования Екатерины и начала царствования Павла, рядом с которым по их совместному проекту, утвержденному императором Николаем II, была построена колокольня с нижней часовней.

Правда, Покровский не забывал и самостоятельно набивать руку: с 1899 по 1902 год он надзирал за архитектурным и интерьерным исполнением Георгиевской церкви по проекту Н. Л. Бенуа, которую тайный советник Ю. С. Нечаев-Мальцов, владелец крупнейшего в России стекольного завода, возводил «в подарок» фабричному поселку Гусь-Хрустальный.

До того как Владимир Александрович приступил к воплощению образа церкви на Тонком мысу, ему удалось многое сделать. Перечислим вкратце.

Свято-Алексиевский храм-памятник Русской Славы, в ознаменование «Битвы народов» 16-19 октября 1813 г. Лейпциг. Фото. 1914 г.

В. А. Покровский.
Проект фасада
Государственного банка
в Новгороде Великом.
1916 г. Музей
архитектуры имени
А. В. Щусева.
Р 1-4902

Проекты грандиозных каменных церквей (точнее храмовых ансамблей): Петропавловской для Пороховых заводов близ Шлиссельбурга и в честь Покрова Пресвятой Богородицы, с приделом святого Виктора, в Пархомовке Сквирского уезда Киевской губернии²⁸. В 1903-1907 годах Покровский руководил их строительством, причем, сам разрабатывал иконостасы, киоты, клиросы, всю меблировку, утварь, хоругви, аналои, подсвечники, колокола. Вместе с ним трудились художники Н. К. Рерих, А. П. Блазнов и В. Т. Перминов, мозаичный декор был выполнен в частной мастерской В. А. Фролова.

В 1907-1908 годах по проекту и под руководством Владимира Александровича прошла реставрация церкви в честь Рождества Богородицы в имении князя Николая Александровича Енгальчева Малый Студинец, Тамбовской губернии. Ее возвел в 1802 году известный в свое время писатель князь Парфений Николаевич Енгальчев в честь рождения сына Елпидифора. Покровский также перестроил колокольню этого храма и создал памятник на могиле генерал-майора князя Александра Елпидифоровича Енгальчева, умершего в 1905 году.

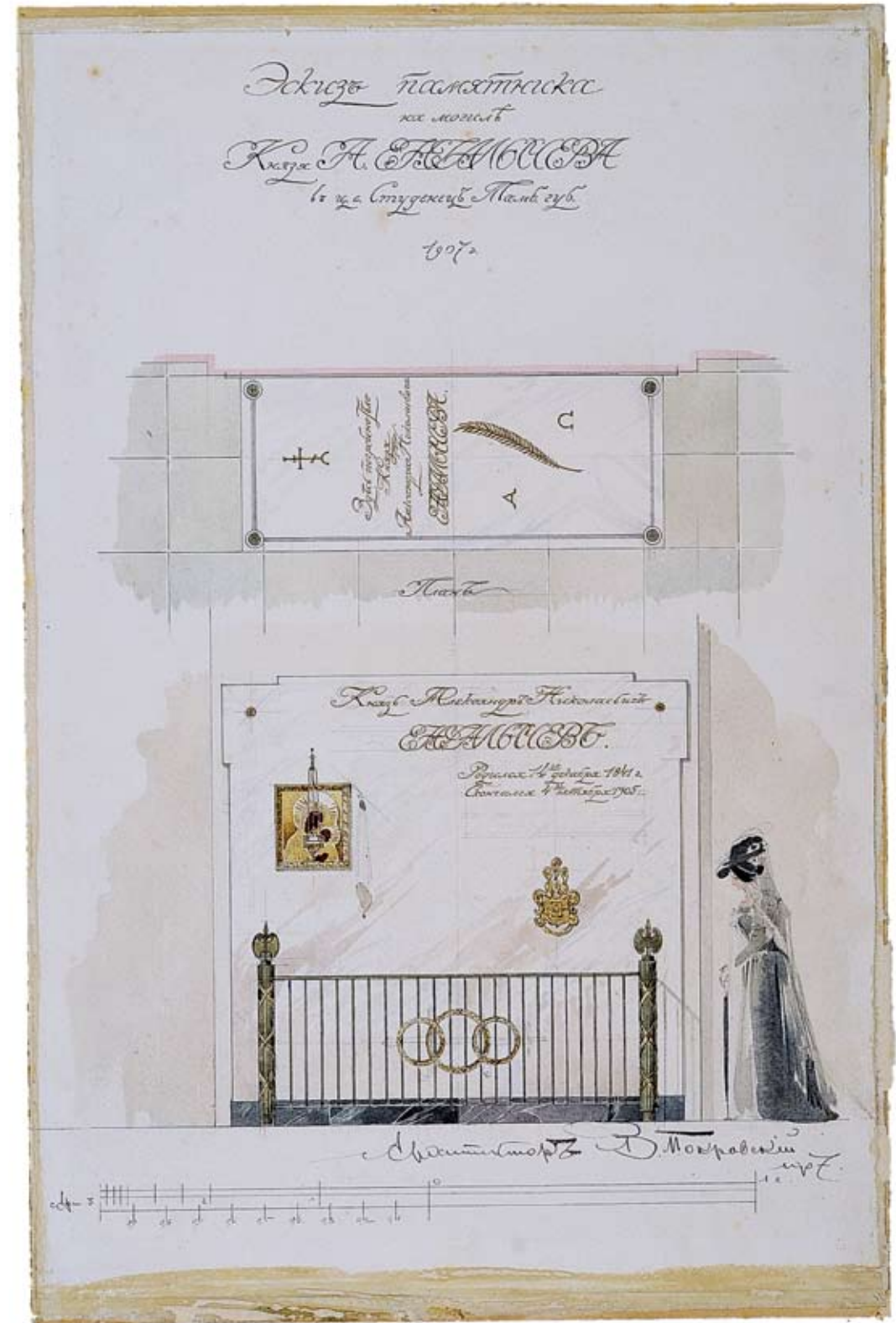
В своей «Cupiculum vitae» архитектор перечислил надгробия, сооруженные по его проектам в Петербурге в 1905-1906 годах:

в Исидоровской церкви Александро-Невской лавры - усыпальница потомственного почетного гражданина коллежского регистратора купца А. А. Сапожникова и его супруги потомственной дворянки Н. А. Сапожниковой, и памятник вдове тайного советника Е. А. Александровской;

в Воскресенском Новодевичьем монастыре - усыпальница В. Ф. Голубева и его брата генерала Ф. Ф. Голубева, и усыпальница семейства Посполитки.

В 1908 году Покровский принимал участие в архитектурной выставке в Вене при VIII Всемирном конгрессе архитекторов и на летней выставке в Лондоне. Работы Владимира Александровича прозвучали столь весомо, что Сербское Королевское правительство пригласило его на Международный Всеславянский конкурс.

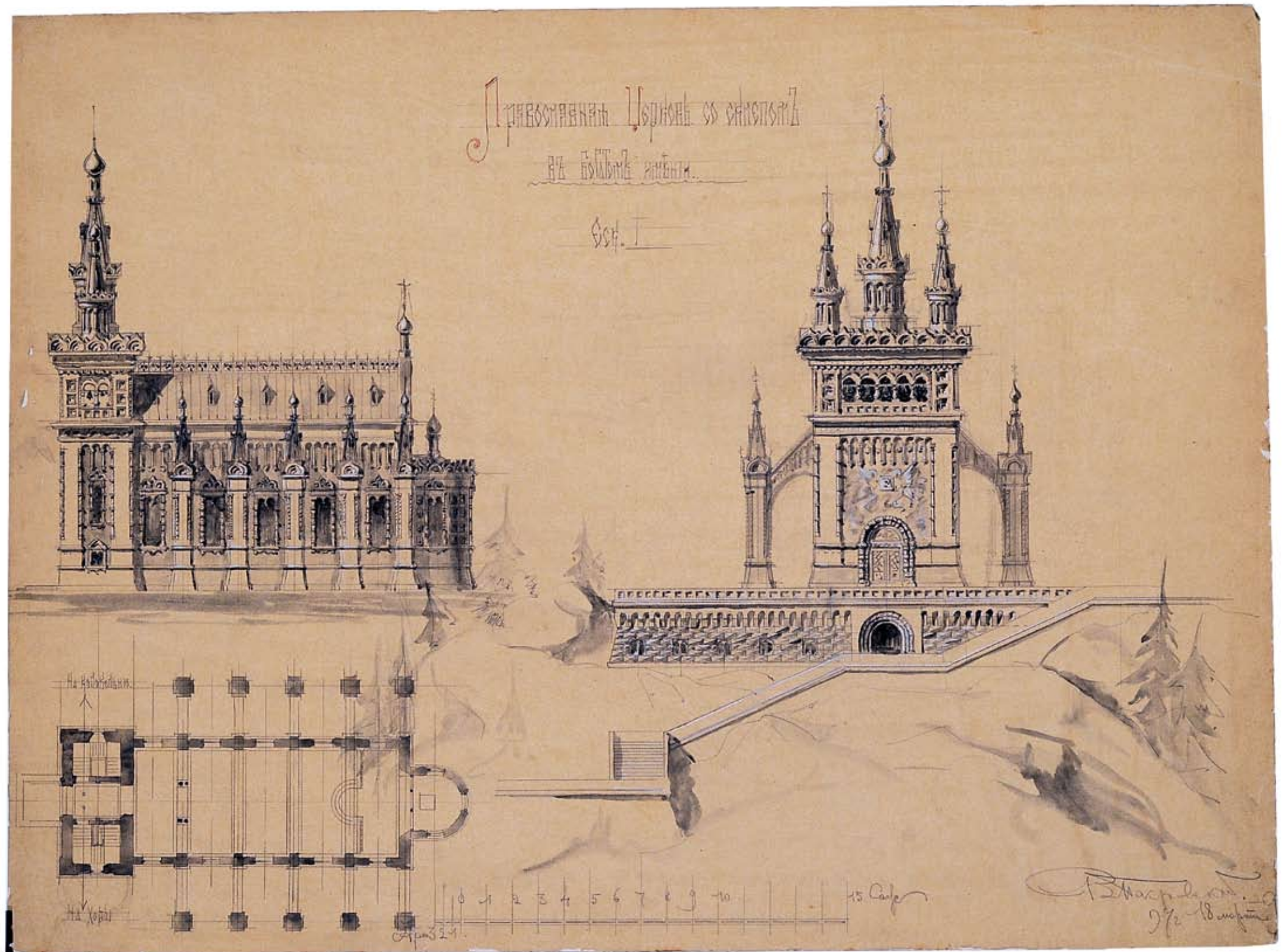
В. А. Покровский.
Проект памятника
на могиле князя
А. Е. Енгальчева в церкви
Рождества Богородицы
села Студинец Тамбовской
губернии. 1907 г. Музей
архитектуры имени
А. В. Щусева.
Р1-4866

На эскизе ошибочно указано «Николаевич».

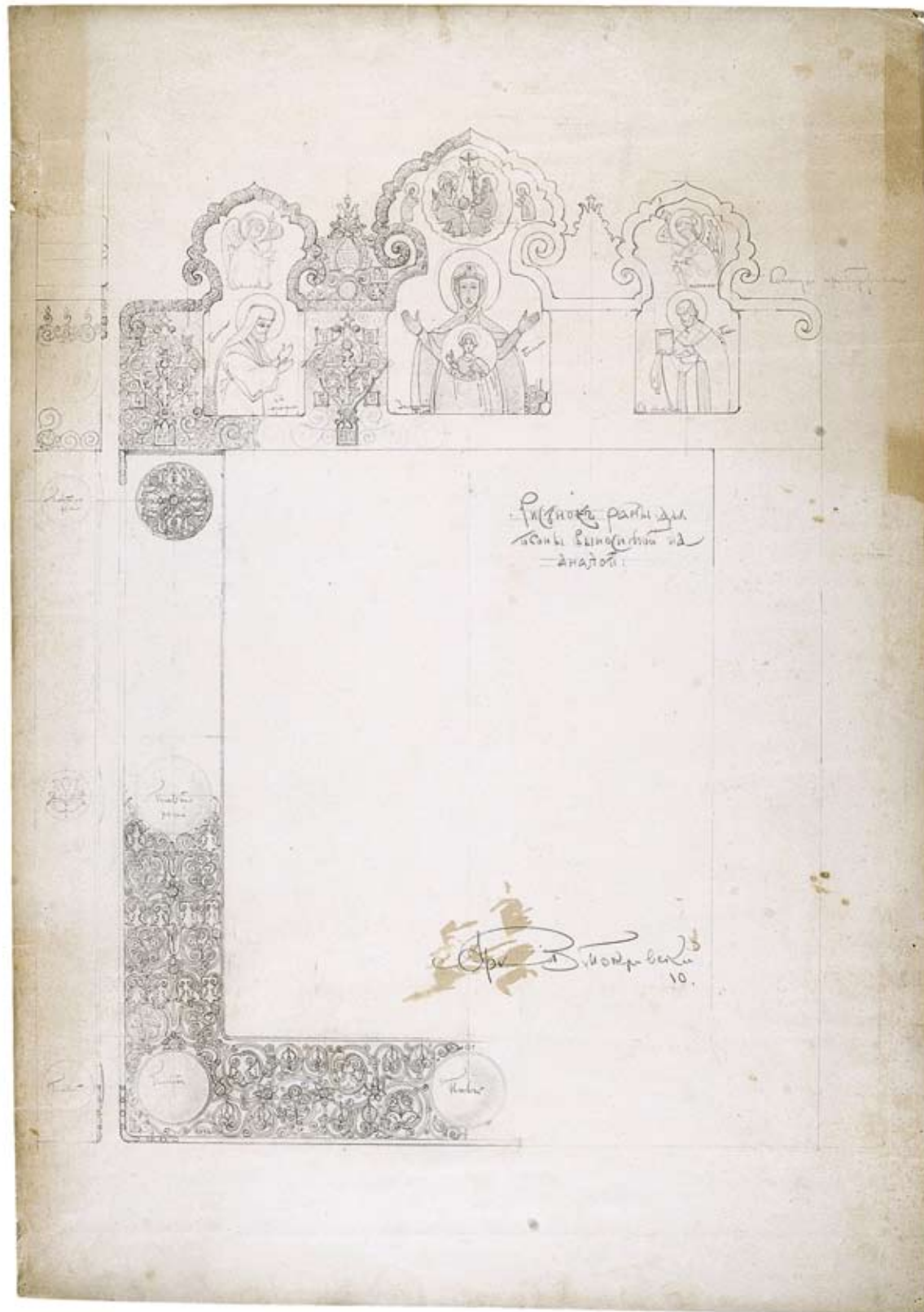

48

В. А. Покровский.
Проект православной
церкви со склепом
в богатом имении.
1897 г. Музей
архитектуры имени
А. В. Щусева.
Р 1-10312

В том же году за проект здания Русского Военно-исторического музея в Петербурге Покровскому единогласно была присуждена первая премия в 5000 рублей. Причем члены жюри архитектурного конкурса рекомендовали немедленно начать «разработку деталей подробной сметы», чтобы, не откладывая, «приступить к делу созидания музея русской военно-исторической славы». К сожалению, этот проект остался на бумаге. Как и мощная пятиглавая Крестовоздвиженская церковь православного трудового братства на хуторе Воздвиженский Глуховского уезда, Черниговской губернии, задуманная архитектором в 1909 году: она долгое время находилась в недостроенном состоянии, а после революции ее остов и вовсе разобрали.

В 1910-1911 годах Покровский создал исключительной оригинальности и изящной пышности раму с сенью для мощей святителя Иоасафа Белгородского, помещенную в августе 1911 года у северной стены Свято-Троицкого собора одноименного монастыря в Белгороде. Выполнена она была из серебра в знаменитой московской ювелирной мастерской И. П. Хлебникова.

В тот же период архитектор блистательно справился с возведением в Царском Селе каменного полкового храма в честь Феодоровской иконы Божией Матери, что повлекло за собой вручение его творческой воле строительства царскосельских зданий: Офицерского собрания Его Императорского Величества Конвоя и Сводного полка и вокзала (Царского павильона) Императорской железнодорожной ветки. Эти три объекта Покровский спроектировал ансамблем, стиль которого определил архитектурные предпочтения царя-страстотерпца Николая Александровича и всей Императорской фамилии.

С таким солидным и вдохновенным творческим багажом приступил Владимир Александрович к проектированию храма во имя святого князя Михаила Черниговского. Скорее всего работу он завершил в конце 1910 года и, по традиции, в двух вариантах. Если первую задумку по сочетанию композиционно-технических идей можно назвать инвенцией с двумя формообразующими темами, отсылающими к новгородскому каменному и северному деревянному зодчеству, то вторую -

В. А. Покровский.
Проект православной
церкви со склепом
в богатом имении.
Продольный разрез.
1897 г. Музей
архитектуры имени
А. В. Щусева.
Р 1-10594

инвенцией, построенной на импровизации нескольких архитектурных мотивов. И коль скоро воплощен был последний, более сложный проект, коснемся его стилистической сути.

Церковь на Тонком мысу получилась шатровой, в основном объеме - квадратной, в общем очертании - асимметричной из-за линейной доминанты север (пристройка) - юг (звонница в два пролета), добавившей гармоничному строению тревожный нюанс перспективной незавершенности. Слово зодчий подбирает приемы, способные выразить напряженную силу своей безусловной и теплой веры.

Чередующиеся парные и тройчатые каменные килевидные кокошники с экспрессивными навершиями создавали своего рода антитетическую композицию, связывавшую «земную» и «небесную» части здания. Причем такое соотношение подчеркивалось материалом: внизу стены были сложены из необработанного камня, «дикость» которого постепенно нивелировалась выбеленной кирпичной кладкой; вверху - выполненные из дерева шатер с четырехскатным покрытием и завершающая его тугая главка с обратной перспективой скатов. Форма узких оконных проемов-амбразур подчеркивала динамичность всего храмового абриса. Автор не привнес в свое творение практически никаких вычурных декоративных элементов. Он будто собрался с духом, чтобы волевым усилием акцентировать деликатно архаизированный образ храма, имитировать его древнее происхождение. Для этого мастер сдвинул на звоннице шпиль с крестом вправо и обыграл нарочито «самодеятельное» исполнение главок.

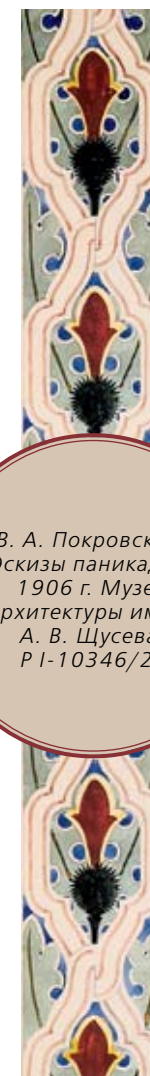
Созидая уникальную концепцию геленджикской церкви, Покровский лишь слегка потрафил принципам модерна. И в этом смысле проект архитектора явился переломным не только в его творчестве, но и во всем русском зодчестве, с 1910-х годов ориентированном на строгие и даже жесткие линии построек, где эстетство казалось излишним.

Выше мы уже писали о неустанном обращении Владимира Александровича к архитектурным темам Северной Руси. Эта спасительная тяга проявилась в нем очень рано, еще в годы студенчества. Приятной во всех отношениях поездкой в Европу он пожертвовал не только ради работы со своим педагогом Л. Н. Бенуа, но и для постижения абсолюта отечественной сакральной культуры. Об этом исчерпывающе сказано в его «Сurriculum vitae»:

«Столь долгие и всецело поглощающие занятия в области церковных построек, вполне соответствующих характеру национальной архитектуры в связи с долгим периодом уже сознательной жизни среди памятников старины Московской церковной и гражданской архитектуры, не могли не отвлечь мысли от общеевропейской архитектуры и не сосредоточить ее на изучении, собирании материалов и посильной обработке памятников родной старины в применении к современным постройкам.

С этой целью В. А. Покровским было сделано несколько поездок в разные местности для ознакомления на месте с теми периодами архитектуры, (Москва, Киев, Владимир-Суздальская, Ярославская и Псковско-Новгородские области), которые наиболее

В. А. Покровский.
Эскизы паникадил.
1906 г. Музей
архитектуры имени
А. В. Щусева.
Р 1-10346/24

В. А. Покровский.
Первый –
невоплощенный –
вариант проекта
церкви во имя
святого Михаила
Черниговского.
1910 г.

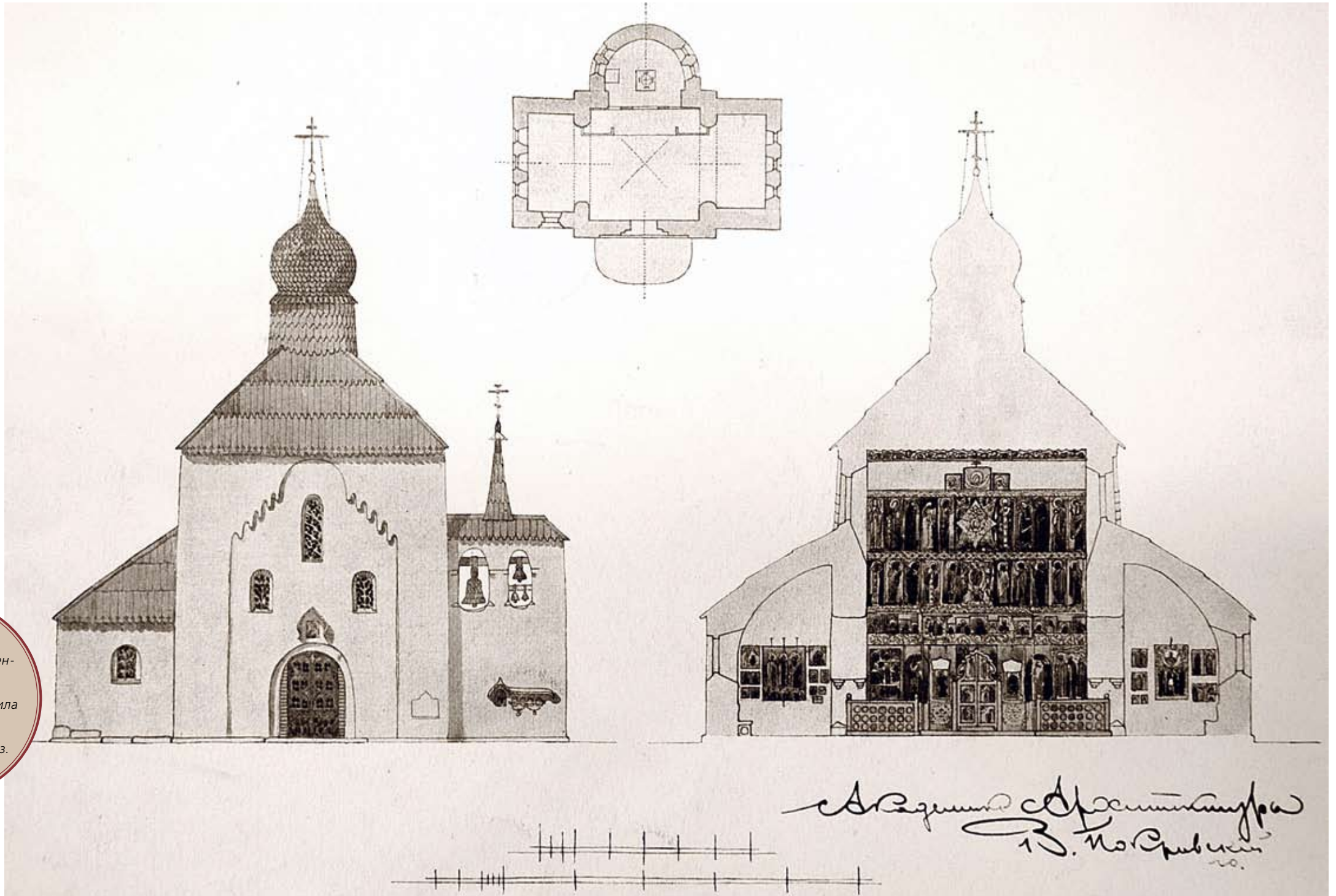
интересовали Покровского. Результатом этих наблюдений и исследований явилось возможным применить Новгородско-Псковскую архитектуру к требованию современного строительства. Полученное, благодаря этим поездкам, серьезное ознакомление с архитектурными памятниками родной старины дало ему возможность применить эти познания при практической деятельности»²⁹.

Кажется, первую попытку приспособить благоприобретенные «северные» навыки на южных просторах Российской империи Покровский сделал в 1901 году, когда в журнале «Зодчий» опубликовал выполненный в формах традиционной владимиро-суздальской архитектуры проект церкви со склепом миллионера В. И. Березина в его имении Суук-Су под Гурзуфом.

Если с Черноморским побережьем Крыма Покровскому не удалось завести архитектурный роман, то с Северокавказским все сложилось на славу. В результате получилось произведение на любой искусствоведческий «вкус». Последовательно вытянутые кокошники соотносились с Вознесенской церковью в Коломенском; кладка из необтесанного камня, постепенно переходящая в кирпичную, напоминала о постройках Соловецкого монастыря; отсутствие карнизов, профилей, наличников, обшивка кокошников и бочек (без выноса кровельных покрытий) словно были подсмотрены у деревянных церквей в Пияле и Уне; двухпролетная звонница отсылала к Пскову XV-XVI веков; ползучие аркатуры на фасадах казались аллюзией церкви Николы на Липне под Новгородом 1292 года; смелая связка деревянного шатрового завершения и каменного основного объема постройки вызвала ассоциацию с зодчеством XVI столетия. Тем не менее по мысли одного из биографов архитектора: «В проектах Покровского сложнее найти прообраз, чем у его современников»³⁰.

Действительно, творчески переосмысленные «цитаты» из произведений древнерусского зодчества создали беспрецедентный образ храма во имя святого князя Михаила Черниговского в Солцедаре. Причем Покровского невозможно уличить в беспардонном копировании. Напротив, северорусские шедевры, раз и навсегда полонившие воображение мастера, отозвались в

В. А. Покровский.
Первый – невоплощенный – вариант
проекта церкви
во имя святого Михаила
Черниговского.
Западный фасад
и поперечный разрез.
1910 г.

В. А. Покровский.
Эскиз киотов.
1905-1906 гг.
Музей архитектуры
имени А. В. Щусева.
Р 1-10346/18

его работе аурой символики, смысловыми знаками, одновременно и отстраненными от первоисточника, и аутентичными ему. Здесь нет ничего от своеобразной по решению, странно игрушечной с виду Спасской церкви, построенной В. М. Васнецовым и В. Д. Polenovым в 1881-1882 годах в подмосковной усадьбе Абрамцево. Владимир Александрович был далек от мифологизации архитектурного прообраза. Он не пытался рассмотреть в омуте истории очертание храмов невидимого града Китежа. Самостоянье влекло мастера в сферы имитационной полифонии, что наделило его творение пафосом национального романтизма. Поэтому проект Покровского «втягивал» в сакральное бытие не только само церковное строение, но и все окружающее его пространство.

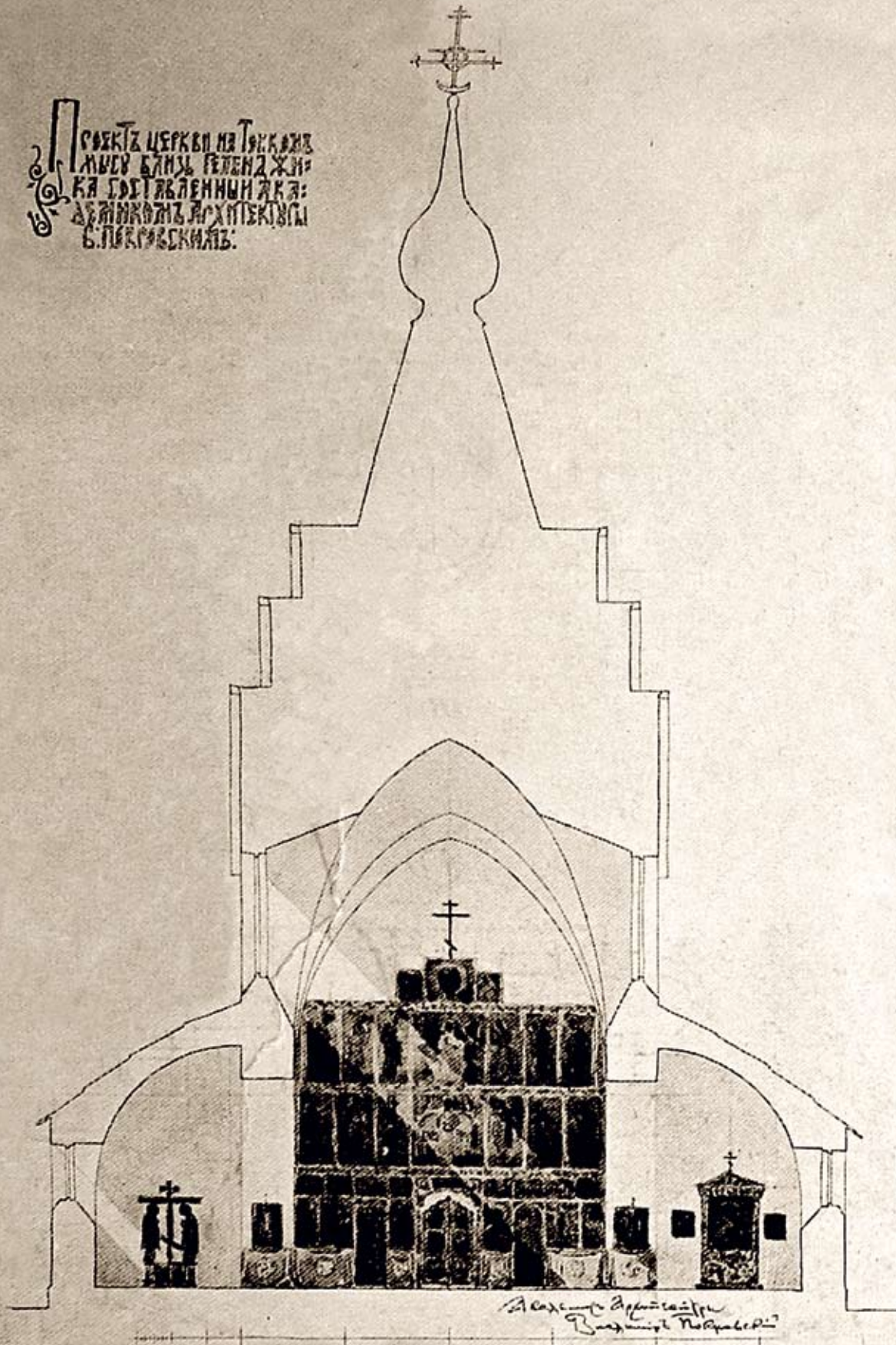
Итак, церковь во имя святого князя Михаила Черниговского, что на Тонком мысу Геленджика, начала свою литургическую жизнь 6 октября 1913 года. А позднее, 17 октября, состоялось открытие выдающегося храма-памятника во имя святителя Алексия, митрополита Московского, спроектированного Покровским к 100-летию великой «Битвы народов» под Лейпцигом, которая длилась с 16 по 19 октября 1813 года. В результате сражения союзные войска России, Австрии, Пруссии и Швеции нанесли сокрушительное поражение армии Наполеона.

СВЯТЫЙ ЦЕРКОВИ НА ТОНКОМ
МЫСУ ГЕЛЕНДЖИКА
НА ТОНКОМ МЫСУ
ГЕЛЕНДЖИКА
НА ТОНКОМ МЫСУ
ГЕЛЕНДЖИКА
НА ТОНКОМ МЫСУ
ГЕЛЕНДЖИКА

В. А. Покровский.
Второй – воплощен-
ный – вариант проекта
церкви во имя
святого Михаила
Черниговского.
Южный фасад. 1910 г.

ПРОЕКТ ЦЕРКВИ НА ТРАКТАХ
 ЖЫСЬ БЛНУ ГЕЛЕНДЖИ
 КЯ СОСТАВЛЕННИ ДКА:
 А. П. ПУШКОВИЧЪ АРХИТЕКТУРА
 С. П. ПУШКОВИЧЪ

Церковь возвели на историческом поле в Саксонии в память о русских героях - участниках Наполеоновских войн. На торжественном освящении присутствовали великий князь Кирилл Владимирович, король Саксонии Фридрих Август III, кайзер Германской империи, кузен Николая II Вильгельм II, военные делегации стран-союзниц.

Чин освящения церкви совершил протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский, в сослужении протодиакона Константина Розова и многочисленного духовенства, при пении Синодального хора.

Можно сказать, что 1913 год оказался в судьбе Владимира Александровича кульминационным: Саксонское правительство присвоило ему звание профессора и вручило Командорский крест ордена Альбрехта, на родине он удостоился звания архитектора Высочайшего Двора³¹.

Обласканный царской Россией, Покровский после Октябрьской революции 1917 года отдал себя исключительно преподавательской деятельности. Что заставило его отойти в сторону от советской архитектурной практики, не известно. Хотя коллеги-ровесники зодчего И. Е. Бондаренко и А. В. Щусев отлично поладили с новой действительностью и отзывались на ее звонкие будни великими произведениями, ставшими символом социалистической эпохи.

В. А. Покровский.
 Второй – воплощенный – вариант проекта церкви во имя святого Михаила Черниговского. Поперечный разрез. 1910 г.

*Император Николай II
вручает награду
В. А. Покровскому в день
освящения полкового храма
в честь Феодоровской иконы
Божией Матери в Царском
Селе. Фото. 20 августа
1912 г. ГА РФ, ф. 601,
оп. 1, д. 1672, л. 10*

Полковой храм
в честь Феодоровской
иконы Божией Матери
в Царском Селе.
Фото. 20 августа 1912 г.
Государственный
архив Российской
Федерации, ф. 601,
оп. 1, д. 1672, л. 4

Душа моя должна прожить в земной неволе
Недолго.

Михаил Лермонтов

ЛЕРМОНТОВСКАЯ ТЕМА

69

Если дело возведения «хранительных стен» геленджикской церкви протекало в сфере экономической, то ее архитектурное решение, по нашему убеждению, было навеяно литературным контекстом. И коль скоро храмовые формы произрастают из фундаментальных религиозно-культурологических постулатов, Покровский свое солнцедарское творение гармонизировал еще личным откликом на гений Лермонтова, слышавшего «неба звуки».

1910-е годы, вообще, были пронизаны обожанием Михаила Юрьевича. В 1914 году планировалось грандиозное празднование 100-летия поэта, отмененное начавшейся Первой мировой войной³². В 1917-м Борис Пастернак посвятил свой сборник стихов «Сестра моя - жизнь» Лермонтову, ставшему для него «олицетворением творческого поиска и откровения, двигателем повседневного творческого постижения жизни».

До сих пор ведутся споры, был ли Лермонтов в Геленджике в сентябре 1837 года, когда его перевели из корнетов лейб-гвардии в Нижегородский драгунский полк за вольную дерзость стихотворения «Смерть поэта».

Литературовед и выдающийся мастер устного рассказа И. Л. Андроников писал с уверенностью: «...в 1837 году Лермонтов

Г. Яковлев.
Портрет
М. Ю. Лермонтова.
Не ранее 1832 г.
Государственный
Эрмитаж

по всем признакам побывал в Геленджике. Получив предписание следовать на побережье Чёрного моря, в укрепление Ольгинское, поэт отправился туда в сентябре через Тамань. Попасты из Тамани в Ольгинское можно было только через Геленджик... Обратный путь – на Тифлис через Ставрополь – должен был снова привести его в Геленджик»³³.

Археолог М. Г. Минеев считал путь в Тифлис из Ставрополя и Пятигорска через Тамань слишком неудобным. Он исчерпывающе доказал, что поэт, с мая по сентябрь 1837 участвовавший в экспедиции генерала А. А. Вельямина, воспользовался регулярным морским сообщением между Геленджиком и строящимися Новотроицким и Михайловским укреплениями, чтобы отправиться в отпуск «для отдыха и лечения». Таким безопасным путем он без труда и быстро попал в Геленджик³⁴.

Впрочем, если пребывание Лермонтова в этом субтропическом поселке все же имеет оттенок интригующе гипотетический, то присутствие здесь созданного им персонажа запротоколировано в романе «Герой нашего времени».

*М. Ю. Лермонтов.
Башня в Сиони
(Военно-Грузинская
дорога). 1837-1838 гг.
Лермонтовский
музей-заповедник
«Тарханы»*

Из «Журнала» Григория Александровича Печорина узнаем: «Казак мой был очень удивлен, когда, проснувшись, увидел меня совсем одетого; я ему, однако ж, не сказал причины. Полюбовавшись несколько времени из окна на голубое небо, усеянное разорванными облачками, на дальний берег Крыма, который тянется лиловой полосой и кончается утесом, на вершине коего белеется маячная башня, я отправился в крепость Фанаторию, чтоб узнать от коменданта о часе моего отъезда в Геленджик».

Мы не знаем литературных пристрастий Покровского, но характер его мощного творческого «почерка» свидетельствует об ориентации на произведения выдающиеся. Если рискнуть и сопоставить архитектурный масштаб солнцедарского храма с беспрецедентной художественной одаренностью Лермонтова, то станет понятно, почему свое «детище», родившееся под черноморским небом, мастер наделил суровым северным характером.

Смеем предположить, что, работая над первым вариантом проекта, Владимир Александрович заложил в него злободневную

*М. Ю. Лермонтов.
Кавказский вид
близ селения Сиони.
1837-1838 гг.
Лермонтовский
музей-заповедник
«Тарханы»*

для интеллектуального обихода той эпохи лермонтовскую тему предельно, даже фатально, независимой личности. Во вторую редакцию проекта архитектор добавил еще свой отклик на «северную» фамилию «Героя нашего времени» - Печорин. Отсюда и «отзыв мыслей благородных» на архитектурный строй храмов Псково-Печерской земли.

Содержание самих проектов геленджикской церкви поражает, во-первых, христианским переживанием объективно прекрасной природы, во-вторых, самой природной средой, в которую автор вписал свое творение. Откуда на Тонком мысу такие горы? Да, они виднеются на горизонте, оторачивая плоскую, полную неги прибрежную линию. Но ведь у Покровского изображен суровый Кавказ, и люди перед церковью нарисованы совсем не русской национальности - не «комитетчики» Воробьев, Матвеев и Волчкова; там стоят аборигены-черкесы.

Если сравнить два проекта церкви во имя святого Михаила Черниговского с рисунками Лермонтова, то поражает сходство их пейзажного пространства. Кажется, что Покровский последовал не за реальным местом, где предстояло вознестись его храму, а подсмотрел его в картинах Михаила Юрьевича: «Военно-Грузинская дорога близ Мцхета», «Вид Крестовой горы из ущелья близ Коби», «Вид горского селения», «Воспоминание о Кавказе», «Горец убивает офицера», «Автопортрет в бурке»³⁵.

Вот и получается, что религиозный слух и профессиональное чутье не подвели Покровского: ориентация на лермонтовский гений подсказала зодчему необычайную сжатость форм его храма на Тонком мысу, «метаисторическое» здание которого, как и роман «Герой нашего времени», являло уникальную стилевую систему и органическое целое отдельных самостоятельных элементов. Собственно, в проекте Владимира Александровича гармонично слились результаты осознанного созерцания шедевров древнерусского зодчества, мистическое озарение поэзией Лермонтова и непосредственное истолкование протообраза - как литературного, так и архитектурного. И в этом исток «второй реальности», запечатленной Покровским в замысле геленджикской церкви.

Все сошлось в Солнцедаре, которому, кажется, гением места предназначено было стать образцом легкомысленной дачной жизни обеспеченных господ средней руки. Однако здание храма Покровского, властно пустившее корни в мыс Доброй Надежды, своей духовной реальностью разрушило «привлекательную пустоту» праздной действительности. И за то остался одиноким, без определенного прихода, как всё и вся у Лермонтова, будь то часовня, сосна, пальма, утес, парус, воздушный корабль... Человек.

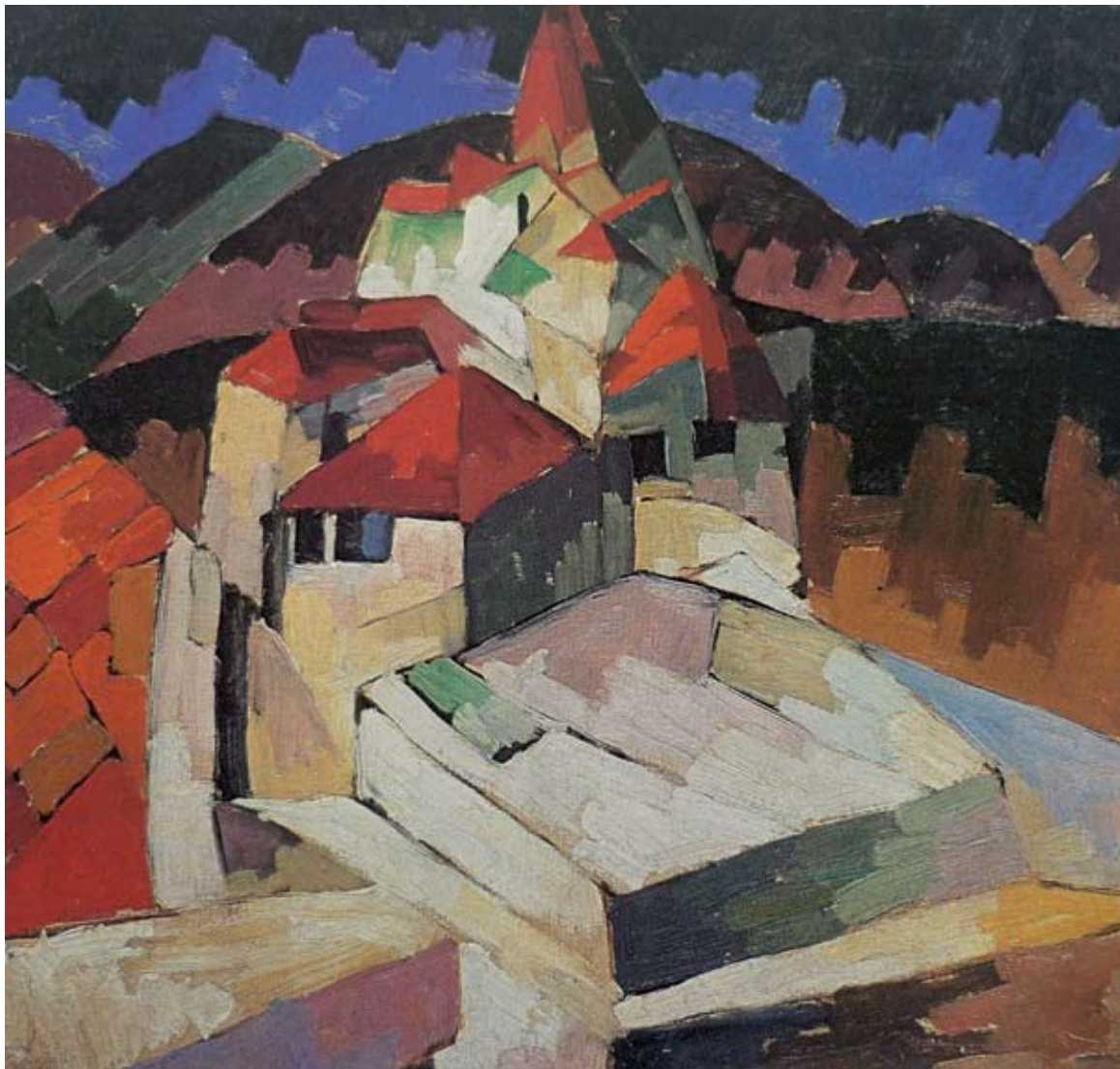
Церковь, освященная величием Михаила Черниговского, кажется, была создана архитектором и во имя Лермонтова, чьим небесным покровителем являлся святой благоверный князь³⁶. Весь ее строй обращен к «внутреннему человеку», история души которого, как считал поэт, «едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа». Что если колокола «печорской» церкви в Геленджике звонили по несостоявшемуся Лермонтову - уединенному старцу, праведному гению, духовно родственному библейским пророкам...

Мы убеждены, что великая русская православная культура должна осваивать чуждые ей благоприобретенные пространства только по примеру храма, построенного В. А. Покровским на северокавказском Тонком мысу. И ведь не случайно в 1910 году, в одно время с разработкой геленджикского проекта, выпускник Московской консерватории композитор Захарий Палиашвили сочинил великое произведение «Грузинские церковные песни при Литургии Иоанна Златоуста», в котором соединил церковнославянский язык с духовным грузинским многоголосием. Поистине, история одного произведения искусства «едва ли не любопытнее и не полезнее» истории всей культуры.

Бог справедлив! и я теперь едва ли
Не осужден нести печали
За все грехи минувших дней.

Михаил Лермонтов

ВОЗРОЖДЕНИЕ

75

Советская эпоха не отличалась оригинальностью в отношении геленджикской церкви во имя святого князя Михаила Черниговского: ее просто закрыли, потом «перепрофилировали» под клуб, затем разместили электростанцию, а после Великой Отечественной войны и вовсе забросили. Сиротливое храмовое здание постепенно разрушалось.

В 1970-е годы Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры поручило экспедиции по выявлению объектов культурного наследия под руководством А. А. Клименко обследование храма на Тонком Мысу. Однако тогда было сделано только одно: подтверждено авторство В. А. Покровского. И лишь в 1990-х бытие его архитектурного детища оживилось.

В 1993 году Михайловский храм с прилегающей территорией был передан под омофор Русской Православной Церкви, а с 1995 года он сподобился покрова Геленджикского во имя Черниговской иконы Божией Матери скита Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Решением священноначалия, архимандрит Феофилакт (Моисеев), ныне епископ Дмитровский, викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, положил начало трудам по основанию лаврского подворья на Тонком Мысу и 27 апреля 1997 года провел там первое Пасхальное богослужение.

*А. В. Лентулов.
Церковь
в Солнцедаре.
1913 г.
Пермская
государственная
художественная
галерея*

Строительная организация «Нефтегазкурортстрой» активно взялась за ремонт геленджикской церкви, который длился в течение двух лет. Несмотря на то что распоряжением комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 21 мая 1996 года № 11-1-р в 1996 году храмовое здание было поставлено на государственную охрану, его реконструкция полностью исказила замысел академика Покровского.

В 2010 году доцент кафедры архитектуры Кубанского государственного технического университета С. Н. Снисаренко визуально обследовала Михайловский храм. Ее выводы оказались неутешительными.

После проведенных ремонтных работ в 90-е годы XX века внешний облик церкви стал неузнаваемым. Изменены угол наклона граней шатра, форма и размеры завершающих его лукович. Утрачены оригинальные шатровые кокошники. Спроектированный Покровским фасад, симметрию которого смело нарушала колокольня с южной стороны, приобрел уравновешенность благодаря новой колокольне с северной стороны. Появился еще один придел, пристроенный к западной части здания. Наружная отделка фасада тоже не осталась без внимания: штукатурка, обрамленная диким камнем, была заменена на банальный лицевой кирпич; к декору цоколя по всему периметру добавили еще куски мрамора.

*Руины храма
во имя святого
Михаила
Черниговского.
Фото. 1995 г.*

Все двери, окна, полы не имеют к творению В. А. Покровского никакого отношения.

Что ж, пора сделать выводы из реконструкции Михайловской церкви, возведенной великим мастером на Черноморском побережье Северного Кавказа, и наконец-то приступить к воссозданию ее подлинного вида. Для этого нет никаких препятствий, тем более что сохранились оригинальные эскизы и планы архитектора Покровского, которыми руководствовались строители храма на Тонком Мысу. Архитектурный памятник ожидает комплексной научной реставрации.

В настоящее время настоятельское послушание в геленджикском храме во имя святого благоверного князя Михаила Черниговского, несет иерей Иоанн Тарасов. Черноморское подворье Гефсиманского скита славится своим социальным служением: сюда приезжают на оздоровление слепоглухонемые сироты из Сергиево-Посадского детского дома.

Несомненно, возрожденная Солнцедарская церковь вновь украсит своим великолепием Краснодарский край, а значит - и всю Россию. И воссияет красотой православного зодчества мыс Доброй Веры города Геленджика.

Храм во имя святого
Михаила
Черниговского.
Фото.
Внизу: 1913 г. (слева),
2003 г. (справа).
Справа: 1970-е гг.

78

1. Письмо В. А. Слезкина искусствоведу А. Н. Щербаковой.
2. Перефразированы строки стихотворения М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...»
3. Строки из стихотворения А. С. Пушкина «Монастырь на Казбеке».
4. Открытие принадлежит старшему научному сотруднику Новороссийского исторического музея-заповедника А. В. Дмитриеву.
5. Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. СПб., 1913. С. 355.
6. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф. 387, оп. 8, д. 44068, л. 118–121 об.; д. 44067, л. 1. Площадь участка указана в «Ведомости распределения свободных культурных участков в урочище Геленджикский мыс Черноморской губернии», приложенной к докладу Лесного департамента. Архивная справка Н. С. Крылова.
7. Владыка Димитрий возглавлял Сухумскую кафедру с 25 января 1907 по 25 июля 1911 г.
8. Выписки, сделанные в 1968 г. А. А. Денисовым из материалов Фонда Сухумской епархиальной канцелярии № 1, оп. 1, д. № 5478, ранее хранившегося в ЦГА Абхазской АССР // Архив Геленджикского историко-краеведческого музея, ф. 3, д. 82, л. 27–28. Отметим, что некоторые сведения о строительстве церкви на Тонком мысу содержатся только в фондах Геленджикского историко-краеведческого музея, где имеются фрагментарные выписки его сотрудника А. А. Денисова из архива Сухумской епархиальной канцелярии. Этот архив, находившийся в фондах Центрального государственного архива Абхазской АССР, был уничтожен грузинскими оккупационными властями 22 октября 1992 г. Руководствуясь сведениями о том, что часть Абхазского архива находится в фондах Центрального исторического архива Грузии, иеромонахом Афанасием (Максимовым), в то время настоятелем геленджикского Михайловского храма, был сделан туда запрос. Согласно полученной справке, в Центральном историческом архиве Грузии фонда Сухумской епархиальной канцелярии нет, в фонде Синодальной конторы сведения о церкви также отсутствуют.
9. Выписки, сделанные в 1968 г. А. А. Денисовым... // Архив Геленджикского историко-краеведческого музея, ф. 3, д. 82, л. 28.
10. После революции 1917 г. А. Л. Векшин был сослан в Барнаул, где и скончался.
11. Ошибка корреспондента: М. фон Рейнке был тайным советником.
12. Выписки, сделанные в 1968 г. А. А. Денисовым... // Архив Геленджикского историко-краеведческого музея, ф. 3, д. 82, л. 28–29.

13. Барон Е. А. Рауш фон Траубенберг (1855-1923), генерал от кавалерии, в интересующее нас время являлся командиром 23-го армейского корпуса, кавалер орденов Святого Александра Невского, Белого Орла, Святой Анны 1-й степени, Святого Станислава 1-й степени и др. Великий офицер итальянского Ордена Святых Маврикия и Лазаря. Перевел с немецкого известную книгу Г. О. Р. Брикса «История конницы». Был женат на Н. Д. Набоковой, тетке писателя В. В. Набокова.
14. Обширное имение И. Х. Бойко, расположенное на Тонком Мысу в заливе Марьино Роща, было разделено на дачные участки, сформировавшие отдельное дачное поселение. Здесь имела ферма, своя пристань, бакалейная лавка, столовая и купальни.
15. Выписки, сделанные в 1968 г. А. А. Денисовым... // Архив Геленджикского историко-краеведческого музея, ф. 3, д. 82, л. 29.
16. Там же, л. 29-30.
17. После того как в 1885 г. произошло разделение Кавказской и Екатеринодарской епархий, приходы Терской области и Северной Осетии отошли к Владикавказской епархии, а Черноморского округа – к Сухумской епархии Грузинского экзархата, куда влилась и реорганизованная Абхазская епархия. В составе Сухумской епархии оказалась часть территории расформированной Кавказской епархии. В 1885-1918 гг. ее территория простиралась от реки Ингур до Анапы.
18. Прояснить этот вопрос нам помогло письмо главного специалиста Российского государственного исторического архива Н. С. Крылова к иеромонаху Афанасию (Максимову) от 20 декабря 2011 г. Использованы материалы: РГИА, ф. 797, оп. 81, III отделение, 5 стол, д. 22, л. 103-103 об., 104-104 об.; указатель к описи № 17 ф. 1276, за 1911 г., л. 22.
19. Выписки, сделанные в 1968 г. А. А. Денисовым... // Архив Геленджикского историко-краеведческого музея, ф. 3, д. 82, л. 28-29, 31.
20. Черноморское побережье. 1911. № 1214. 14 сентября. С. 3.
21. Там же.
22. Выписки, сделанные в 1968 г. А. А. Денисовым... // Архив Геленджикского историко-краеведческого музея, ф. 3, д. 82, л. 30-31.
23. Владыка Андрей подвизался на Сухумской кафедре с 25 июля 1911 г. по 22 декабря 1913 г.
24. Выписки, сделанные в 1968 г. А. А. Денисовым... // Архив Геленджикского историко-краеведческого музея, ф. 3, д. 82, л. 30.
25. Краткая биография (лат.).
26. РГИА, ф. 789, оп. 11, д. 146, л. 76 об.
27. Там же, л. 2.
28. В специальной литературе часто упоминается, что Покровский храм, построенный по завещанию знаменитого инженера и промышленника В. Ф. Голубева, находится в Пархомовке – имении камер-юнкера Двора Его Величества Л. В. Голубева. Однако Льву принадлежала Александровка Славяносербского уезда Екатеринославской губернии (ныне Луганской области),

- а Пархомовка – его брату Виктору, учёному-востоковеду. Так как последний был постоянно занят в экспедициях, именно на Льве Викторовиче лежали все хлопоты по управлению имением Виктора и строительству церкви.
29. РГИА, ф. 789, оп. 11, д. 146, л. 74 об. Во время этих экспедиций В. А. Покровский делал фотографии исследуемых им церквей. Частично они были воспроизведены в первом томе «Истории Русского искусства», под редакцией И. Э. Грабаря, и явились иллюстративным материалом к главам о культуре Новгорода и Пскова, написанным Покровским в соавторстве с А. В. Щусевым.
30. Гаврилов С. А. Жизненный путь зодчего В. А. Покровского // Архив наследия – 2003. М., 2005. С. 235.
31. В период с 1911 по 1913 г. В. А. Покровский спроектировал и возвел ряд замечательных «светских» зданий: Государственный банк в Нижнем Новгороде, дом для почетных гостей в Верхотурье, Государственную Судную казну в Москве и др.
32. То же случилось и со 100-летием гибели Лермонтова в 1941 г.: начавшаяся Великая Отечественная война свернула все планы торжеств.
33. Письмо И. Л. Андроникова 1954 г., хранящееся в фондах Архива Геленджикского историко-краеведческого музея. Цит. по: Неделя Геленджика. 2003. № 44. 2-8 ноября.
34. Минеев М. Г. К вопросу об участии М. Ю. Лермонтова в экспедиции генерала А. А. Вельяминова в 1837 году // Краевед Черноморья. Туапсе, 1997. С. 24. Археолог Михаил Георгиевич Минеев (1956-1993) служил заведующим отделом истории древнего общества Геленджикского историко-краеведческого музея.
35. Перечисленные живописные и графические работы М. Ю. Лермонтова выполнены им в 1837-1841 гг.
36. Память святого Михаила Черниговского 3 октября, Лермонтов родился 15 (3 по старому стилю) октября, крещен 23 октября (5 ноября).

ПЕРЕЧЕНЬ ИМЕН

А

Александр Невский 43, 82
Александр Николаевич, цесаревич 19
Александровская Е. А. 46
Алексий, святитель Московский 60
Альбрехт Храбрый, герцог 63
Андрей (Ухтомский), епископ Сухумский 37, 82
Андроников И. Л., литературовед 69, 83
Анна, святая 82
Афанасий (Максимов), иеромонах 81, 82

Б

Бенкендорф А. Х., граф 19
Бенуа Л. Н., архитектор 43, 55
Бенуа Н. Л. 43
Березин В. И., промышленник 56
Берхман Е. А., генерал-майор 18
Блазнов А. П., художник 46
Бойко И. Х., землевладелец 32, 82
Бондаренко И. Е., архитектор 63
Брикс Г. О. Р., военный историк 82

В

Васильев Г. Н., архитектор 6
Васнецов В. М., художник 60
Векшин А. Л., промышленник 24, 29, 81
Вельяминов А. А., генерал-лейтенант 18, 70, 83
Виктор, святой 46
Вильгельм II, кайзер Германской империи 63
Владимир Александрович, великий князь 39
Волков Александр, священник 32
Волчкова О. Н., княгиня 30, 72
Воробьев Н. И., чиновник 30, 35, 72

Г

Гаврилов С. А., искусствовед 83
Голубев В. В., востоковед 83
Голубев В. Ф., инженер, промышленник 46, 82
Голубев Л. В., камер-юнкер 82, 83
Голубев Ф. Ф., генерал 46
Гороцеев А. Ф., чиновник 30
Грабарь И. Э., художник 83

Д

Денисов А. А., архивист 81, 82
Дмитрий (Сперовский), епископ Сухумский 24, 32, 35, 81
Дмитриев А. В., археолог 81

Е

Екатерина II, императрица 43
Енгальчев А. Е., князь 46
Енгальчев Е. П., князь 46

Енгальчев Н. А., князь 46
Енгальчев П. Н., князь 46
Ермолов А. П., генерал 18

И

Иваницкий Б. Е., чиновник 23
Иоанн Златоуст 73
Иоанн Креститель 37
Иоасаф Белгородский, святой 51
Иов Многострадальный 24
Исидор Юрьевский, святой 29

К

Каллистратов С. А., архитектор 32, 37
Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси 75
Кирилл Владимирович, великий князь 63
Клименко А. А., искусствовед 75
Крылов Н. С., архивист 81, 82

Л

Лазарь, святой 82
Лермонтов М. Ю. 9, 11, 17, 23, 39, 69-73, 75, 81, 83

М

Маврикий, святой 82
Марков Л. Е., предводитель дворянства 35, 36
Марков Н. Е. (Марков 2-й), политик, писатель 35, 36
Матвеев А. А., чиновник 30, 72
Минеев М. Г., археолог 70, 83
Михаил Черниговский, святой
5, 15, 17, 19, 23, 24, 32, 35, 37, 51, 56, 60, 72, 73, 75, 83
Михаил VIII Палеолог, император 17, 18
Москвич Г. Г., писатель 19, 81

Н

Набоков В. В., писатель 82
Набокова Н. Д. 82
Наполеон I, император 63
Нечаев-Мальцов Ю. С., промышленник 43
Николай I, император 18, 19
Николай II, император 24, 43, 51, 63
Николай Мирликийский, святитель 18, 56

⊕

Ольга, святая 29
Ольденбургский П. Г., принц 29

П

Павел I, император 43
Палиашвили З. П., композитор 73
Пастернак Б. Л., поэт 69
Перминов В. Т., художник 46
Печорин Григорий, литературный персонаж 71, 72
Пешен, инженер 36
Покровский В. А. 5, 9, 11, 12, 15, 35, 39,

43, 46, 51, 54-56, 60, 63, 71-73, 75-78, 83
Покровский В. Н., архитектор 6
Поленов В. Д., художник 60
Посполитаки, семейство 46
Пошехонов Д. В. 29
Пушкин А. С. 11, 12, 81

Р

Рауш фон Траубенберг Е. А., барон 30, 82
Рейнке М. М. фон, камергер 19, 23, 24, 30, 36, 81
Рерих Н. К., художник 46
Розов Константин, протоиерей 63

С

Саблер В. К., обер-прокурор Св. Синода 32, 35
Сапожников А. А., купец 46
Сапожникова Н. А. 46
Слезкин В. А., историк архитектуры 5, 81
Снисаренко С. Н., архитектор 76
Станислав, святой 82
Стефан Архидиакон 30
Стратигопул Алексей, военачальник 17
Судницын Иоанн, священник 30, 32, 35, 36
Сырокомский С., прораб 36

Т

Тарасов Иоанн, священник 77
Трубников Ю. В., помещик 29
Трубникова А. П., помещица 29
Турищев В. С., архитектор 6

У

Успенская Т. Д. 30

Ф

Феофилакт (Моисеев), епископ Дмитровский 75
Фридрих Август III, король Саксонии 63
Фриш В. В., чиновник 24, 30
Фролов В. А., мозаичист 46

Х

Хлебников И. П., ювелир 51

Ч

Чемесов А., инженер 37

Ш

Шавельский Георгий, протопресвитер 63

Щ

Щеголев А. И., промышленник 29
Щеголев И. И., промышленник 29
Щеголева Т. И. 29
Щербакowa А. Н., искусствовед 81
Щусев А. В., архитектор 63, 83

УДК
ББК

К

Ковалик Ольга Григорьевна

Храм во имя святого благоверного князя Михаила Черниговского, что на Тонком Мысу, в Геленджике. – М.: ЭЙПиСиПабблишинг, 2018. – 88 с.: ил.

ISBN

В книге О. Г. Ковалик впервые подробно рассмотрена на основе архивных материалов история Храма в имя святого благоверного князя Михаила Черниговского, ставшего визитной карточкой Черноморского побережья Северного Кавказа. Этот уникальный памятник архитектуры был сооружен по проекту выдающегося зодчего академика В. А. Покровского в неорусском стиле и освящен епископом Сухумским Андреем (Ухтомским) ровно 105 лет назад – 6 октября 1913 года. Книга повествует о месте расположения храма, о Покровском, о попечителях и благотворителях, о возрождении святыни. В процессе изучения архивных материалов автор выявила Лермонтовскую тему, столь важную для понимания культурологической сути Геленджикского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

Автор выражает благодарность научным сотрудникам Музея архитектуры имени А. В. Щусева Татьяне Викторовне Ивановой и Татьяне Александровне Дудиной за помощь в работе над иллюстративным материалом

Текст и художественная концепция – О. Г. Ковалик
Дизайнер – Л. В. Чуплыгина
Редактор – Л. Е. Лаврова
Корректор – И. В. Володина

На первой полосе обложки:
В. А. Покровский.
Второй – воплощенный – вариант проекта храма во имя святого Михаила Черниговского, на Тонком Мысу, в Геленджике.
Западный фасад. 1910 г.

На последней полосе обложки:
В. А. Покровский.
Эскиз церковной ограды.
Музей архитектуры имени А. В. Щусева. Р I-10346/1

В оформление книги включены эскизы В. А. Покровского: типы орнаментов для церковной росписи и резные капители колонн. 1905-1906 гг. Музей архитектуры имени А. В. Щусева. Р I-10346/6-7, 29-30, Р I-10595/2-3, 5

Перепечатка иллюстративных материалов, воспроизведенных в данном издании, категорически запрещена.

© Храм в честь святого благоверного князя Михаила Черниговского – Геленджикское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, издание, 2018

© Ковалик О. Г., текст, 2018

© Чуплыгина Л.В., художественное оформление, макет, 2018

© Государственный музей архитектуры им. А. В. Щусева, Москва, фотоматериалы, 2018

© Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы», фотоматериалы, 2018

© Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Санкт-Петербург, фотоматериалы, 2018

© Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург, фотоматериалы, 2018

© Государственный архив Российской Федерации, Москва, фотоматериалы, 2018

© Государственная Третьяковская галерея, Москва, фотоматериалы, 2018

© Геленджикский историко-краеведческий музей, фотоматериалы, 2018

Отпечатано в APCPublishing (ООО «ЭЙПиСиПабблишинг»). Москва, ул. Онежская, д.24. Тел.: 8 (495)104 9728

Престольные праздни**ки**

Святого благоверного князя Игоря Черниговского
2 октября

*Святых мучеников и исповедников Михаила,
князя Черниговского,
и боярина его Феодора, чудотворцев*
3 октября

Храм открыт ежедневно с 8.00 до 18.00 часов
Начало вечерних богослужений в 17.00,
по окончании совершается таинство покаяния
В воскресные дни Божественная Литургия начинается в 9.00,
по будням – в 8.00

Информация для благотворителей
Адрес: 353466, Краснодарский край, г. Геленджик, ул. Черниговская, д. 1
Телефон: 8 (86141) 2 80 88
Электронный адрес: t.i.gr-84@mail.ru
Реквизиты для пожертвований находятся на сайте:
<http://mihaylovskiy.prihod.ru>